

ЭММА ХОУТОН

ТЬМА

ОДИН ТРУП. ДВЕНАДЦАТЬ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ.
И АБСОЛЮТНАЯ ТЕМНОТА.

Эмма Хоутон

Тьма

Серия «Объявлено убийство»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66640660

Тьма: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-136210-2

Аннотация

Личная трагедия окончательно выбила Кейт Норт из колеи, поэтому, когда ей выпадает шанс заменить врача на исследовательской станции в Антарктике, она с радостью соглашается, надеясь, что это поможет ей прийти в себя. Смена обстановки кажется Кейт идеальным решением. Даже несмотря на то, что ее предшественник, доктор Жан-Люк, погиб в результате несчастного случая...

И пусть полярная станция и не райский оазис, но здесь, на краю земли, она хотя бы сможет укрыться от терзающих ее воспоминаний и всецело отдаться работе. Следующие восемь месяцев ее компания – это бескрайние белоснежные просторы и тринадцать человек, с которыми она будет вынуждена провести самую долгую зиму в своей жизни.

Но когда наступает полная темнота, Кейт начинает подозревать, что смерть ее предшественника вовсе не случайна.

И чем больше вопросов она задает, тем сильнее накаляется обстановка...

Содержание

Глава 1. 18 февраля, 2021 года	6
Глава 2. 18 февраля, 2021 года	23
Глава 3. 19 февраля, 2021 года	37
Глава 4. 22 февраля, 2021 года	58
Глава 5. 25 февраля, 2021 года 4:02	67
Глава 6. 30 марта, 2021 года Месяц спустя	77
Глава 7. 29 апреля, 2021 года	90
Глава 8. 29 апреля, 2021 года	108
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Эмма Хоутон

Тьма

Emma Haughton
THE DARK

© Emma Haughton, 2021

© Яновская А., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1. 18 февраля, 2021 года

Белизна. Бесконечная, безликая, ошеломляющая белизна. Настолько ослепительная, что болят глаза. Красивая и жуткая одновременно.

Наконец-то я прибыла на край земли, точнее, к самой южной ее части.

И здесь нет абсолютно ничего.

– Ты в порядке?

Голос Джима едва различим над гулом двигателей «Баслера»¹. Я киваю, хотя это совсем неправда. Я измотана. Устала до боли в костях, до онемения. Прошло только три дня моего путешествия, но все уже начинает казаться сюрреалистичным.

Это *и есть* сюрреалистично, решаю я, пока мы летим к сердцу континента, где пики и ледники сменяются странными ледяными структурами, которые, в конце концов, переходят в купол S^2 , бесконечную равнину снега, исполосованную как замерзшее море, одинаковую во всех направлениях. Неудивительно, что эти земли называют Белым Марсом – это

¹ Basler BT-67 – современная модификация американского ближнемагистрального транспортного самолета Douglas DC-3. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Dome C – расположен в Антарктике на высоте 3233 метров над уровнем моря, является одним из вершин или «куполов» антарктического ледяного покрова.

самое холодное и самое заброшенное место в мире.

Мой новый дом на следующие двенадцать месяцев.

Впервые с того момента, как я вылетела из Хитроу в Окленд, я чувствую толику сомнения. Предвкушение сменяется нерешительностью.

Когда я читала описание вакансии, сидя в тепле и безопасности квартиры в Бристоле, это казалось хорошей идеей – год в качестве доктора на полярной станции в Антарктике, – это звучало, как приключение, и я подходила по всем пунктам: большой опыт в неотложной медицинской помощи, базовая хирургическая практика, никаких серьезных проблем со здоровьем. Плюс решающий довод – приступать нужно немедленно.

Но даже при всем этом я не ожидала оказаться в этом крохотном самолете над милями и милями льда. На должность на новой исследовательской базе мог претендовать кто угодно. Каковы были шансы, что они выберут именно меня?

И все же я здесь, вопреки всему.

В предвкушении. И ужасе.

– Еще пару часов, и мы на месте.

Джим тянется за мое сиденье и достает сэндвич, протягивая мне упаковку. Я разворачиваю ее без энтузиазма. Свежие еще два дня назад, когда мы покинули Новую Зеландию, салат и помидоры стали поникшими, а хлеб непривлекательно размок.

Терпи, Кейт, говорю я себе, глотая через силу. Это одни из последних свежих овощей, которые я съем за многие месяцы, после того, как закончатся запасы в ящиках. Это предпоследний рейс до Антарктической станции Объединенных Наций, более известной как АСН. Когда последний самолет увезет членов летней команды, никто не сможет добраться до нас еще более полугода.

Желудок сжимается от этой мысли. Справлюсь ли я? Если на то пошло, справятся ли остальные двенадцать членов зимней команды? Хотя это казалось терпимым, почти подвижническим во время четырехнедельного интенсивного курса в Женеве, но здесь и сейчас, столкнувшись с необъятными антарктическими просторами, я начинаю осознавать леденящую реальность того, во что ввязалась.

Все же я читала некоторые пугающие истории. Слухи о людях, сходящих с ума, дестабилизированных изоляцией и постоянной темнотой, тяжестью жизни в таком маленьком коллективе. Повар на Мак-Мердо, большой базе США, напавший на коллегу с молотком-гвоздодером. Австралийский сотрудник, ставший таким агрессивным, что его пришлось запереть в кладовой на несколько месяцев. Сварщик-пьяница из России, пырнувший ножом инженера-электрика в приступе ярости.

Неудивительно, что некоторые станции не разрешают новым работникам встречаться с покидающими базу зимовщиками.

Вот дерьмо!

Самолет механически дребезжит и неожиданно ныряет вниз. Несмотря на смягчающий эффект таблеток, которые я выпила перед посадкой, у меня перехватывает дыхание, и в течение нескольких секунд чистого ужаса я уверена, что мы сейчас рухнем на безжалостный лед.

Мгновение спустя мы снова летим ровно.

– Эй, расслабься. – Джим сжимает мою руку. – Он так делает время от времени. Чуток холодновато для двигателей.

Я хихикаю в ответ на преуменьшение австралийца – снаружи минус сорок.

– Извини. Меня не назовешь лучшим пассажиром в мире.

– Не беспокойся, – улыбается он. – Ты в хорошей компании. У меня был один парень в прошлом году, инженер, уж он-то должен был разбираться в авионавтике, а все равно рыдал большую часть обратного перелета. Ты еще хорошо держишься.

Я смотрю на него с благодарностью, но сердце все еще быстро колотится. Если что-то пойдет не так, если мы разобьемся или будем вынуждены пойти на экстренную посадку, шансы на спасение ничтожно малы. Мы можем замерзнуть насмерть за несколько минут.

Я засовываю руки под бедра, пытаюсь скрыть дрожь, но мое тело бунтует – я чувствую прилив тошноты. О боже, пожалуйста, только не сейчас. Я крепко зажмуриваю глаза, слезящиеся от немеркнувшего блеска солнца на льду, медленно

и глубоко дышу.

Лисьи глаза блестят, глядя на меня в свете фар, и мир начинает кружиться.

Прекрати, Кейт, шиплю я тихо, отгоняя картинку.

Просто прекрати.

– Хочешь взглянуть на свой новый дом?

Я просыпаюсь от звука голоса Джима, удивляясь, что задремала. Прижимая лицо к окну, прищуриваюсь, глядя туда, куда он показывает. Сначала ничего не видно, кроме белизны и темно-голубого купола неба над ней. Но постепенно, когда глаза приспособляются к свету, я различаю маленькую группку прижимающихся друг к другу зданий на широкой плоской равнине внизу. За ними, на некотором расстоянии, возвышается высокая серебристая башня.

Мы на месте, понимаю я, дрожа от предвкушения.

Полярная станция.

Крохотный оазис во всей этой пустоте.

По мере приближения в поле зрения появляются два более высоких светло-серых здания. Несколько маленьких приземистых строений рассыпаются точками вокруг. Между ними снег, исполосованный множеством дорожек.

Джим, сидящий возле меня, полностью сосредоточен, настраивая кнопки и переключатели на приборной панели, пока мы снижаемся к посадочной полосе. Если это можно так назвать. Когда мы направляемся на посадку, я вижу, что это

просто длинная полоса спрессованного снега. Страх прорывается снова, сжимая горло. Я крепко хватаюсь за сиденье, в то время как земля несется нам навстречу.

– Не волнуйся. – Джим поглядывает на меня и ухмыляется. – Я делал это тысячи раз.

Маленький самолет дергается и дрожит, когда колеса ударяются о лед. Я выдыхаю, облегчение наполняет меня, пока мы резко сбавляем скорость, останавливаясь за несколько сотен метров от основных зданий. Два самых больших, как я теперь разглядела, возвышаются на три этажа, стоя на массивных стальных подпорках, поддерживающих их над заматающим пустыню снегом. Несколько фигур спускаются по лестнице, направляясь к нам.

– Ну вот. – Джим откидывается в кресле, потирая шею. – Дом, милый дом.

Я слабо улыбаюсь, мое сердце все еще колотится под влиянием адреналина от посадки.

– Готова? – Он застегивает парку.

– К чему?

Мгновение спустя я получаю ответ. Когда Джим открывает дверь самолета, до невозможности холодный воздух врывается внутрь, и легкие перехватывает от шока. Несмотря на пуховик и спецодежду, это похоже на столкновение с чем-то твердым. Воздух словно атакует меня. Я пытаюсь дышать ровно, но легкие горят. Спешно поднимаясь с сиденья, чтобы поскорее почувствовать устойчивую опору под ногами, я

ощущаю, как влага у носа, глаз и губ мгновенно замерзает. Даже в очках отражающийся от снега солнечный свет ослепляет.

Следующее, что меня поражает, это тишина. Густая, почти окутывающая.

Звук чистой пустоты.

Я делаю несколько шагов, но затем спотыкаюсь, ошеломленная, дезориентированная. Рука хватает меня за предплечье.

– Осторожней. Нужно несколько минут, чтобы освоиться.

Я смотрю в лицо надо мной. Или, скорее, на кусочек щетины на маленьком участке обнаженной кожи незнакомца. Все остальное закрыто от макушки до пят термоустойчивой одеждой, огромные светоотражающие очки скрывают глаза. И все же я могу сказать, что он выглядит хорошо. Что-то в его тоне, в уверенной подаче себя подсказывает мне это.

– Эндрю, – он протягивает мне руку в перчатке. – Но все зовут меня Дрю.

– Кейт, – я слабо принимаю рукопожатие.

– Добро пожаловать на дно мира, – говорит он с легким американским акцентом, а затем поворачивается, чтобы представить своего спутника. – Это Алекс.

Алекс кивает мне, затем отправляется помочь Джиму разгрузить ящики из задней части самолета. Я чувствую легкий укол разочарования, но тут же отгоняю от себя эту мысль.

Чего я ожидала? Торжественного парада?

– Пойдем внутрь, – зовет Дрю, прежде чем повернуться к пилоту. – Ты останешься ненадолго?

– Подойду через минуту. Ставьте чайник, – предлагает Джим.

Дрю подхватывает мои тяжелые сумки так, будто они невесомые, и направляется к ближайшему зданию. Я слеую за ним. Ходить здесь непривычно, снег совсем не похож на тот мягкий слякотный снежок, иногда выпадающий дома. Это совсем другое чудище – твердое, кристаллизованное, скрипящее и стонущее под подошвами. Здесь редко падает снег – над куполом С так мало осадков, что это практически пустыня – но когда это случается, снег остается, накапливаясь тысячелетиями в лед толщиной несколько километров.

По мере приближения к станции тишина уступает место жужжанию и пиканью, свидетельствующим о деятельности внутри. Звук жизни. Генераторы, инструменты, все, что нам нужно для поддержания себя в таком враждебном окружении. Без этих машин мы бы быстро умерли.

– Хорошо добрались? – Дрю останавливается, дожидаясь, пока я его догоню. Я задыхаюсь от тяжелых усилий, потраченных на эту короткую прогулку. Высота, напоминаю я себе, мы находимся на три тысячи восьмьсот метров над уровнем моря, и воздух настолько же разрежен, как и холоден.

– Ты прилетела аж из Лондона, да?

Я киваю.

– Первый раз в Антарктике?

Я снова киваю, слишком выбившись из сил, чтобы говорить.

– Привыкнешь.

Когда мы подходим к ближайшему зданию, Дрю останавливается показать мне «Юнион Джек», висящий над дверью среди разнообразия флагов.

– Будешь делить его с Элис, но я уверен, что ты не против.

– А тот, значит, для тебя? – Я указываю на американский флаг в конце.

– Ага. Родился и вырос на Среднем Западе.

Повинуясь импульсу, я вытаскиваю телефон из кармана, стаскивая перчатки, чтобы листнуть иконку камеры и заснять момент моего прибытия. Но прежде чем я успеваю сделать фотографию, экран в буквальном смысле замерзает, покрываясь легкой коркой льда.

– Черт, – я недоверчиво пялюсь на него, прежде чем засунуть обратно в куртку уже ноющими от холода пальцами.

– Да, телефоны плохо работают при таких температурах, – замечает Дрю. – Не волнуйся, с ним все будет в порядке.

Мы забираемся по дюжине алюминиевых ступенек к входной двери, и от усилия у меня начинает кружиться голова. Секунды спустя я оказываюсь во внушительного размера комнате, забитой полным ассортиментом уличного обмундирования: пальто и парки на вешалках, снежные ботинки разных размеров, выстроенные внизу. Очки и теплые шапки

разложены на полках.

В углу сноуборд и несколько пар лыж. Я хмурюсь, глядя на них в недоумении. Наверняка здесь слишком плоско для всего этого?

Дрю смотрит туда же.

– Нескольким парням нравится кататься, привязав их к снегоходу. Тебе стоит как-нибудь попробовать, – он передает мне пару синих кроссов. – Эти вроде подойдут по размеру.

Я сажусь на пустую скамью, снимаю куртку и ботинки, стуча зубами, и переобуваюсь в тапки.

– Спасибо. Я отдам, когда распакую вещи.

– Оставь себе. Кто-то из летней команды забыл их. У нас целая комната забита никому не нужными вещами. Все, что тебе понадобится, просто попроси у Раджива: помимо готовности, он заведует запасами, что приравнивает его к Богу у нас на станции.

Я улыбаюсь, пытаюсь не глазеть на Дрю. Теперь, когда он снял обмундирование, вижу, что интуиция не подвела. Он обескураживающе красив. Высокий, с короткими русыми волосами, темно-кариими глазами и такими точеными чертами, которые уместно смотрелись бы в глянцевом журнале.

Я тут же чувствую себя неловко и инстинктивно отворачиваю щеку от его взгляда. Потом останавливаю себя. Зачем ее прятать? Он все равно заметит.

– Пойдем, сделаем тебе чашку отличного чая, – говорит Дрю, ужасно имитируя акцент кокни.

– Было бы чудесно. – Я трясусь так сильно, что голос дрожит, будто от нервного напряжения.

– Согреешься и познакомишься со всеми. Каро испекла торт в твою честь.

Я следую за ним из прихожей, через сеть коридоров, покрашенных в блеклые учрежденческие цвета, напоминающие о больнице. Я необъяснимо нервничаю перед встречей с людьми, с которыми буду заперта следующие десять месяцев.

Что, если я им не понравлюсь?

Не глупи, Кейт. Это не школа. С чего бы ты им не понравилась?

Дрю ведет меня в большую комнату, которая, как я предполагаю, служит общей гостиной. Высокие панорамные окна выходят на пустынный ледовый простор. Относительные тепло и комфорт внутри, диваны и кресла, лампы и книжные полки, заваленные книгами в мягких обложках и зачитанными журналами, резко контрастируют со смертельным холодом за стеклом.

Около дюжины людей смотрят на нас, когда мы входим, и мое лицо застывает в зажатой улыбке, пока Дрю представляет их одного за другим. Я пытаюсь соединить каждое имя и должность с лицами, когда они по очереди встают, чтобы обнять меня или пожать руку. Раджив Шарма, шеф, легко запоминается с его коротко остриженной бородой и аккуратным голубым тюрбаном. Соня Обенг, канадский метеоролог,

тепло приветствует меня, немного сглаживая мою нервозность. Люк де Веес, датчанин, работающий здесь электриком, настолько высокий, что если бы он вытянул руки, смог бы достать до потолка. Сантехник из Новой Зеландии, Каро Хиндс, и Элис Мунро, изучающий атмосферу академик из Эдинбурга. Том Вебер, выглядящий смущенным менеджер по управлению данными из Мюнхена, чей взгляд почти не встречается с моим – единственный, как я заметила, кто носит очки. Роб Хуанг, тоже австралиец, менеджер по коммуникациям, похожий на модного дизайнера в его облегающей черной одежде и с осветленными волосами. Плюс Аркадий Васильев, из России, большой, смахивающий на медведя мужчина лет за сорок, занимающийся обслуживанием генераторов.

Это не считая разномастные остатки летней команды, но они должны уехать на следующей неделе.

Ни следа Сандрин Мартин, начальницы станции, осознаю я. И Алекса, парня, которого я встретила на улице, тоже нет.

Когда знакомство окончено, повисает неловкая тишина. Все старательно избегают смотреть на мою левую щеку.

– Что насчет обещанного чая? – предлагает Дрю, когда я усаживаюсь на незанятый стул. – Ты как пьешь?

– С молоком. Без сахара. Спасибо.

– Боюсь, у нас только сухое молоко, – говорит Элис, взглянув на мой шрам и снова отводя взгляд. – Но ты привыкнешь. – Темно-русые волосы, бледно-голубые глаза – они с

Дрю могли бы быть братом и сестрой. Она поразительно симпатичная – стройная, с тонкими чертами лица и мягким шотландским акцентом.

– Могу поспорить, ты измотана, – добавляет она, и я морщусь. Я могу только представить, как отвратительно выгляжу. Я почти не спала с тех пор, как покинула Хитроу, и у меня не было сил наносить макияж перед последним полетом с Джимом. В любом случае какой смысл? Увечье на моем лице никак не скрыть.

Теперь, однако, я жалею, что не приложила усилий. Я чувствую себя грязной и потной, волосы жирные после трех дней без мытья. Больше всего я хочу погрузиться в забытье долгого купания в горячей воде.

Но сейчас это невозможно. С ограниченным запасом воды и электричества о ваннах не может быть и речи – душ на базе ограничивается двумя минутами каждый второй день.

Очередная вещь, к которой придется привыкнуть.

– Ты в норме? – Каро передает кусок шоколадного торта, который она испекла для меня.

– По правде говоря, ужасно устала, – признаю я.

– Неудивительно. – Она пододвигает стул поближе. – Я вырубилась на пятнадцать часов, когда прибыла, а ведь прилетела всего лишь из Окленда.

На это шансов нет, думаю я. Не могу вспомнить последний раз, когда проспала полных восемь часов. Частично от безжалостного режима работы в неотложке, отчасти потому,

что после аварии перестала нормально спать.

– Ты из Окленда? – спрашиваю я, изучая ее короткую панковскую прическу и пирсинги в ушах и носу. Не настолько впечатляющая, как Элис, но красивая в своей, сдержанной манере. В противоположность цветочному топу и черным легинсам Элис, на ней мешковатый комбинезон и выцветшая оранжевая футболка.

– Недалеко от Данидина. У родителей там была скотная ферма. Но я жила в Куинстауне пять лет.

Люк плюхается рядом с ней, расставив свои длинные ноги так широко, что Каро приходится подвинуться на край дивана.

– Ты откуда? – спрашивает он, жуя торт и даже не пытаюсь спрятать изучающий взгляд, направленный на мое лицо.

– Бристоль, на юго-западе Англии. Но выросла я в Суррее. Он кивает, хоть я предполагаю, что ему это ни о чем не говорит.

– Амстердам, – произносит он, прежде чем я успеваю спросить. – Но моя мама англичанка.

Я улыбаюсь, так и не придумав остроумного ответа. Голова ватная, и похоже у меня начинается серьезная мигрень. Я отчаянно хочу накачаться таблетками, заползти в кровать и отключиться или хотя бы попытаться. Вместо этого, я попиваю чай из чашки, поданной мне Дрю, и понемногу подьедаю торт Каро, хотя я слишком устала, чтобы чувствовать голод.

Сделай усилие, подбадриваю я себя. Первое впечатление

и все такое.

К счастью, от дальнейшей болтовни меня спасает прибытие темноволосого мужчины в компании строго одетой авторитетной женщины лет пятидесяти. Это, должно быть, Сандрин, начальница станции.

– Привет. Я Кейт. – Я встаю, протягивая руку.

– Я знаю, – отрывисто отвечает она с французским акцентом, что почему-то делает ее еще более внушительной. – Добро пожаловать в АСН, – она без стеснения смотрит на мой шрам несколько секунд, а затем представляет мужчину позади нее: – Это Рафаэлло де Марко, доктор, которого ты заменяешь.

Рафаэлло широко улыбается мне.

– Приятно познакомиться, – говорит он на идеальном английском, – пусть и на короткое время. Приношу извинения, что так поспешно уезжаю.

– Что ты имеешь в виду? – недоумеваю я. Он должен улететь на следующей неделе.

Доктор выглядит слегка пристыженным. Он бросает взгляд на Сандрин, но она молчит.

– Тебе никто не сказал? – спрашивает он. – Я уезжаю сегодня.

Я тупо смотрю на него, не понимая. *Он уезжает?* Рафаэлло должен был провести следующую неделю, передавая мне рабочее место, помогая мне освоиться.

– Нет, никто мне не говорил.

– У Рафа заболел сын, – сухо сообщает Сандрин. Она безучастно изучает мою реакцию. Почти придирчиво, как мне кажется.

– О, мне жаль, – запинаясь я, пытаюсь скрыть страх.

– Ничего серьезного. – Рафаэлло снова одаривает меня извиняющейся улыбкой. – Но его придется оперировать, и я нужен жене дома.

– Ладно. – Мне ясно, что это звучит неискренне, но я слишком шокирована, чтобы проявить больше сочувствия. Каким образом я разберусь без его инструктажа?

Внезапно появляется Джим, жадно прихлебывая свой чай.

– Прости, друг, – он хлопает доктора по спине. – Нам нужно отправляться прямо сейчас. Только что получил предупреждение, что скоро погода ухудшится.

Рафаэлло быстро прощается в суматохе объятий и рукопожатий. Затем берет рюкзак и поворачивается ко мне.

– Я оставил файл на твоём столе вместе с инструкциями. Все будет в порядке, Жан-Люк все подробно записывал.

Жан-Люк Бернас. Французский доктор, погибший на льду два месяца назад. Причина, по которой я здесь.

– Спасибо, – говорю я автоматически. – Я надеюсь, с твоим сыном все будет хорошо.

Рафаэлло кивает, а затем исчезает. Сандрин поворачивается и уходит без единого слова.

Настроение окончательно испорчено. Я рассчитывала, что

здесь будет кто-то, кто научит меня проводить все научные эксперименты и в целом поможет войти в ритм. Глупо, но я чувствую себя преданной. Покинутой. Хотя, конечно же, в этом никто не виноват.

Несколько сумасшедших секунд я борюсь с желанием побегать за ними и сказать, что передумала, что хочу вернуться домой. Я смотрю вдаль, пытаюсь взять себя в руки, затем замечая, что Дрю внимательно за мной наблюдает.

Мои щеки вспыхивают. Я чувствую – он прекрасно знает, о чем именно я думаю.

– Пойдем, Кейт, – говорит он мягко, забирая мои сумки из угла комнаты. – Давай устроим тебя на новом месте.

Глава 2. 18 февраля, 2021 года

– Это твоя.

Дрю открывает дверь комнаты в дальнем конце коридора и жестом приглашает меня в миниатюрную спальню. Аккуратно застеленная двухъярусная кровать теснится в углу, шкаф из толстой темной фанеры, с простым столом и стулом, пристроенными за ним. Стены покрашены в такой же блеклый серо-белый цвет, как и снаружи.

– Тебе повезло. – Дрю опускает сумки на стол. – Твой сосед по комнате уехал на прошлой неделе, так что все это достается одной тебе.

Я осматриваю крохотное пространство, такое же тесное и скудное как тюремная камера, и представляю себе, каково делить его с еще одним человеком. Как в таких условиях вообще можно уединиться?

– Я оставлю тебя распаковываться, – говорит Дрю, отступая. – Может, после этого посмотрим базу перед ужином?

– Спасибо, – киваю я.

– Давай я вернусь, скажем, через час?

Я поглядываю на часы. Три пятнадцать по местному времени, почти полночь дома.

– Было бы отлично.

Когда я поднимаю голову, он быстро отводит глаза от моего лица. Я не могу его винить. Все это делают, их внима-

ние неумолимо притягивается к неровной серебристой линии, бегущей по левой стороне моей щеки. Я хотела бы сказать, что привыкла к этому, но, как и шрам, смущение никогда не исчезает полностью.

– Тебя бросили прямо в омут с головой, не так ли? – спрашивает Дрю. – Раф так внезапно уехал.

Слезы пощипывают глаза, а за ними следует прилив раздражения. Я ненавижу сочувствие, ненавижу, когда меня жалуют.

Я не заслуживаю этого.

– Я справлюсь, – отвечаю я слишком резко и наклоняюсь, чтобы поднять переполненный рюкзак.

– Туалет через две двери по коридору налево, если хочешь принять душ. Помни, никаких кондиционеро́в для волос, они усложняют переработку воды.

С этими словами он уходит. Я стою, слишком изможденная, чтобы думать или двигаться, борясь с желанием повалиться на нижнюю койку. Внезапно Бен заполняет мои мысли. Я скучаю по нему так, будто все случилось вчера. Поэтому, как он подергивал кончиком носа, когда был изумлен или разозлен. По длинному гладкому изгибу его позвоночника. По ощущению его внутри меня, согревающему и ограждающему меня от всего плохого в мире.

Вот дерьмо. Это не помогает.

Новое начало, помнишь?

Я распаковываю рюкзак и без воды проглатываю несколь-

ко таблеток. Прячу остальные, скрытые в невинно выглядящем пузырьке из-под витаминов, в шкафу, затем останавливаюсь, изучая вид снаружи. Комната расположена в дальней части станции, так что здесь нет наружных строений, перебивающих вид на... ну, ничто. Миля за милей заледенелой равнины, горизонт выглядит как ровная линия разреза на ярко-синем небе, ветер испещрил поверхность снега длинными горизонтальными волнами – в тени эффект поразительно напоминает океан.

Наслаждайся, пока можешь, напоминаю я себе, через несколько коротких месяцев солнце полностью исчезнет. Когда оно зайдет в последний раз, не будет ничего, кроме тьмы, на протяжении нескольких недель. Я поеживаюсь от одной мысли об этом. Я никогда не упоминала в анкетах АСН свой давний страх темноты.

Не говоря уже о других вещах.

Когда меня приняли на работу, мои страхи казались далекими, управляемыми. Но теперь перспектива бесконечной ночи зажигает во мне новый огонек опасения.

Вдруг я приняла неправильное решение?

Частично это из альтруизма, желания внести свою лепту. АСН, существующая меньше трех лет, была основана, чтобы привлечь ученых со всего мира к дальнейшим исследованиям изменений климата и решающей роли Антарктики в планетарных погодных системах. А для этого нужны сотрудники всех мастей, не только ученые, но и сантехники, электри-

ки, инженеры, механики, повара и, конечно же, доктора.

Но кроме всего прочего, у меня имелись и более эгоистичные причины. Мне отчаянно нужно было сбежать от ежедневных напоминаний об отсутствии Бена, от постоянного наблюдения окружающих – сестры и матери, коллег, медсестер, даже служебного персонала. Постоянная атмосфера заботы и сочувствия только ухудшала ситуацию. Этот бескрайний континент, обещающий вожделенную изоляцию, казался идеальным укрытием.

Но так ли это? Или же это просто зеркало, отражающее мое разбитое замерзшее сердце?

Достаточно, говорю я себе, опуская жалюзи, чтобы скрыться от сияния. Ты измотана, завтра все будет по-другому. Расстегиваю дорожную сумку, выгружаю одежду и другие предметы в миниатюрный шкаф и комод. Количество вещей кажется абсурдно большим, множество из них выданы АСН: два комбинезона, пуховики и легинсы, все яркого томатно-красного цвета для наибольшей видимости на снегу. Несколько наборов термобелья, шесть пар перчаток и варежек разной толщины, три ворсовых кофты и шерстяной свитер, семь пар носков, три пары хлопковых брюк. Не говоря уже о ботинках, внутренних утеплителях, дополнительных стельках, шапке, лыжных и солнцезащитных очках.

Набиваю шкаф до отказа, но он слишком маленький. Так что я аккуратно выкладываю оставшееся на верхней койке, гадая, каким образом двое людей могли бы ужиться в этой

каморке – здесь было бы не продохнуть. Затем я раздеваюсь и заворачиваюсь в махровый халат, который казался хорошей идеей в моей прохладной викторианской квартире, но теперь, как бы это иронично ни звучало, в нем слишком тепло – на улице, может, и минус тридцать, но на самой станции жара.

Быстро принимаю душ, вытираю волосы, прежде чем вернуться в комнату. Мгновение спустя в дверь стучат.

– Ты одета? – зовет Дрю.

Господи. Уже час прошел?

– Одну секунду. – Я натягиваю первые попавшиеся чистые вещи. – Входи.

– Хочешь, проведем экскурсию сейчас? – спрашивает он, выглядывая из-за двери.

Я киваю, пытаюсь изобразить энтузиазм. Еще несколько часов, говорю я себе, а потом я смогу пойти в кровать.

Хотя у меня были схемы, база оказалась больше, чем я себе представляла, и намного запутаннее. Дрю проводит меня по лабиринту коридоров, настолько узких, что по ним едва можно протиснуться, и других, с низкими потолками, больше похожих на тоннели. Все набито так, чтобы максимизировать пространство и изоляцию, объясняет Дрю, внешние стены должны быть достаточно толстыми, чтобы выдержать разницу в сто градусов между тем, что внутри и снаружи.

Сначала мы исследуем «Альфа», жилые помещения, фор-

мирующие главное здание. Дрю показывает мне все: двадцать спален и четыре ванных, кухню и столовую, внушительную гостиную и игровую по соседству, с бильярдным столом и настольным футболом, библиотеку, которая также служит как мини-кинотеатр, маленький, но хорошо оборудованный тренажерный зал, небольшую прачечную с разнообразными стиральными машинами и автоматическими сушилками, и, наконец, мою клинику и прилегающую операционную.

Следующим идет «Бета», соседнее техническое здание, доступное через соединяющий коридор. В сопровождении непрерывающегося гудения машин мы обходим радио- и связные лаборатории, комнату для звонков по Скайпу и разномастные научные лаборатории. Под ними, на первом этаже, Дрю проводит меня через гаражи, мастерские и кладовые с провизией, генераторами и системой переработки воды.

В противоположность относительной организованности «Альфа», все здесь выглядит очень индустриально: стальные полы под хаосом труб, проводки и больших запутанных кабелей – некоторые из них прикреплены к стенам, другие свисают с потолка. Сбивающая с толку паутина коридоров скрывает в себе беспорядок досок, карт, крючков, увешанных уличным обмундированием, мириад подвешенных полок, забитых папками, инструкциями и коробками, полными разных запчастей и приборов.

Я следую за Дрю по лабиринту. Одному Богу известно,

как люди здесь не теряются.

– Это гидравлические домкраты, – поясняет он, пока мы пробираемся через одну из мастерских на окраине здания. – Именно они спасают все структуры от того, чтобы быть похороненными под снегом. Иначе мы оказались бы под землей через несколько десятилетий.

Я вспоминаю фотографию старой металлической хижины где-то на Южном полюсе, на деревянных подпорах, препятствующих разрушению от накопленного снега. Каким образом ранние исследователи переживали такие враждебные условия с ограниченным количеством ресурсов? С каждой проходящей минутой на станции я все больше осознаю, как сильно выживание зависит от окружающей нас техники. Какими бы мы были уязвимыми, если бы что-то сломалось.

– Сегодня не хватит времени, но завтра можем прогуляться снаружи, если хочешь, – говорит Дрю, закончив объяснять про переработку отходов. – Там есть очень интересные штуки. Плюс мы храним экстренные медицинские запасы в летнем лагере на случай, если это место сгорит. Тебе стоит знать, где они расположены.

– Было бы здорово. – Я надеюсь, экскурсия на этом окончена, и я смогу отдохнуть пару минут у себя в комнате перед ужином. Но, вернувшись в «Альфа», Дрю останавливается у закрытой двери как раз рядом по коридору с моей клиникой. «Начальник станции» – гласит табличка.

Дрю стучит, заглядывает внутрь.

– Ты хотела поговорить с Кейт?

Я слышу утвердительный ответ Сандрин и вхожу следом за Дрю. Она сидит за столом, записывая что-то в большой блокнот. Все вокруг нее такое же аккуратное и упорядоченное, как ее макияж и безупречная одежда. Скорее Париж, чем Антарктика.

– Ты нормально обустроилась? – спрашивает она тоном одновременно любопытным и безразличным.

– Да. Спасибо.

– Хорошо.

За этим следует пауза, которую я стараюсь заполнить.

– Мне нужны ключи? – спрашиваю я, зная, что Дрю слышит каждое слово диалога. Я заметила, что очень мало комнат на станции запираются на замок, включая спальни – за исключением моей клиники, связного пункта и офиса Сандрин.

– А, да, – она встает и открывает крепкий деревянный шкафчик, подвешенный за ее столом. Протягивает мне связку ключей. – Дай знать, если тебе понадобится что-то еще.

Я отступаю, снова чувствуя себя неуверенно. Конечно, я не ожидала фанфар, но, наверное, все-таки рассчитывала на более теплый прием.

– Не волнуйся, – Дрю замечает мое выражение лица, пока мы идем по коридору. – Привыкнешь к ней со временем.

Я выдавливаю из себя полуулыбку, надеясь, что он прав.

– И следи за ключами. Сандрин потеряла свои пару меся-

цев назад, и их было чертовски сложно заменить.

– Хорошо, – киваю я, отчаянно надеясь, что это конец. Я так устала, что с трудом держусь на ногах. Действие таблеток начало ослабевать, и я чувствую нарастающую раздражительность.

– Так вот, – говорит Дрю, – лучшую часть я оставил напоследок.

О боже. Я заставляю себя выглядеть заинтересованной и следую за ним вдоль по кроличьим тоннелям коридоров. Мы оказываемся в комнате в дальнем конце станции, маленьком узком пространстве, увешанном яркими светодиодными лампами.

– Та-да! – улыбается Дрю, обводя рукой несколько скудных растений, скорчившихся под светом. – Мои детки.

Я оглядываю поникшие салатные листья: несколько видов салата-латука, руккола, кейл. Все это выглядит до странного чужеродно в этой ярко-белой комнате посреди ярко-белого континента.

– Единственная зелень, которую ты увидишь за зиму, – объявляет он гордо, одаривая меня идеально ровной улыбкой. Короткие волосы, двухдневная щетина – Дрю и правда напоминает модель, вроде тех, что рекламируют спортивный инвентарь или уличную одежду. – Посадил их несколько месяцев назад. Первый урожай должен быть через пару недель.

Едва ли хватит на один прием пищи, прикидываю я, но пытаюсь одобряюще кивнуть.

– Ну, на этом вроде все, – заключает он, поглядывая на часы. – Полчаса до ужина. Увидимся в столовой.

Я тянусь, касаясь его руки, когда он собирается уходить.

– Спасибо, Дрю. Мило с твоей стороны выделить на это время.

– Никаких проблем. – Его взгляд добродушный, но в то же время деловой. – Хорошо, что ты здесь.

Когда я прибываю в столовую, полдюжины людей уже расселись вдоль четырех ровных рядов столов. Дрю пока не видно, но Каро машет мне, вставая, чтобы поздороваться. Колочие волосы придают ей милый эльфийский вид.

– Понравился тур? – спрашивает она, ведя меня к стойке раздачи.

– Очень много всего сразу.

– И не говори. Я потерялась здесь раз десять, когда приехала. Но ты скоро разберешься.

Я оглядываю всю еду на стойке.

– Нужно накладывать самим?

– Бери, что нравится. Тебе повезло. Сегодня пятница, так что в меню фиш-энд-чипс.

– Серьезно? Даже на международной станции?

– Мы все по очереди помогаем Радживу приготовить ужин, – объясняет Каро. – Пятница – Британия, Ирландия, Новая Зеландия и Австралия, и мы в основном готовим рыбу. У Франции и Бельгии воскресенье, у Италии и Испании –

суббота, обычно пицца или паэлья. США и Канада у нас по вторникам, чаще всего бургеры, хотя Соня делает убойную острую жареную курицу. Россия и балтийские страны по средам, а в четверг раньше была Южная Америка, но теперь, когда большая часть летней команды уехала, это окно свободно. А, да, Индия и Азия по понедельникам, – добавляет она, кивая в сторону Раджива, занятого за стойкой. – Его карри – одно из лучших блюд на всей базе.

Я накладываю себе небольшую порцию и иду за Каро к столу, здороваясь с Аркадием и парнем, которого я не узнаю. Арк, как он настаивает, чтобы я его называла, похоже, рад меня видеть, его широкая улыбка демонстрирует несколько золотых зубов советских времен, что делает его похожим на злодея из Бондианы. Другой мужчина кивает; это Алекс, понимаю я – он был рядом с Дрю, когда они встречали меня с самолета.

По крайней мере, сейчас я могу видеть его лицо: начисто выбритое, в противоположность Арку и многим из летней команды, чьи антарктические бороды делают их похожими на портлендских хипстеров. Алекс по-мальчишески красив, у него небрежная прическа и гладкая кожа, слегка загоревшая за проведенное на улице время. Около двадцати пяти, по моим догадкам, я мысленно делаю заметку завтра проверить его медицинский файл. Я улыбаюсь ему, но он не отвечает взаимностью, и прежде чем я отворачиваюсь, успеваю заметить холод, сквозящий в его выражении лица, который

напоминает мне Сандрин.

– Арк варил борщ на прошлой неделе, – продолжает Каро, когда мы усаживаемся напротив них. – Получилось неплохо.

Он одобрительно поднимает большие пальцы.

– Лучше, чем твой бисквит, – замечает он с сильным русским акцентом. – Что это было за дерьмо?

Каро смеется и показывает ему средний палец.

– Такое дерьмо, что ты ел добавку, а?

– Что я могу сказать? Я старая толстая свинья, – Арк, гогоча, потирает свой внушительный живот.

– Естественно, вся схема с готовкой по сменам работает лучше летом, когда здесь больше людей, – объясняет мне Каро, пока я ковыряю жирный кусок рыбы. – Но мы пытаемся почаще вносить изменения – не хотим, чтобы народ затосковал по дому.

– Так чем ты тут занимаешься? – спрашиваю я Алекса, занятого поглощением еды с концентрацией человека, который либо голодает, либо надеется избежать разговора.

– Полевой помощник. – Его выразительные карие глаза встречаются с моими.

Я наконец-то определяю его акцент.

– Ты из Ирландии?

– Ага. Донегол.

– Там хорошо. Я как-то ездила туда с палатками.

– Намокла небось? – Выражение лица Алекса выдает мимолетное удивление.

– Немного.

Он позволяет себе полуулыбку, но потом его взгляд проходится по Дрю, приближающемуся с нагруженной едой тарелкой. Он садится возле меня, кивая на мой жалкий ужин.

– Ты не голодная?

– Как-то нет аппетита, – признаюсь я.

Каро мельком оглядывает меня с ног до головы.

– Тебе бы он не помешал, – она улыбается, показывая, что не хочет меня обидеть.

– Наверное, просто устала, – пожимаю плечами я, расправившись с несколькими кусочками картошки, прежде чем сдать. Правда в том, что все наслаждение от еды исчезло после аварии.

Хотя, по моим подозрениям, таблетки тоже не облегчают ситуацию.

– Дай сюда. – Арк берет мою тарелку и соскребает еду на свою. – Нехорошо будет это выбрасывать.

Алекс встает, оставляет пустую тарелку и стакан возле стойки, затем молча уходит. Каро смотрит ему вслед, но Дрю только невозмутимо вскидывает бровь, поворачиваясь ко мне.

– Итак, что ты думаешь об этом всем?

Я делаю глоток воды.

– Отлично. То есть это все, конечно, ошеломляет, но я привыкну.

– Ну, мы рады, что ты с нами. – Каро дружелюбно пожи-

мает мне руку. Это маленький жест, но ее доброта трогает меня. Мне нравятся она и Дрю, с облегчением осознаю я. У меня будут здесь хотя бы двое друзей.

Подходящий ли сейчас момент, чтобы спросить о моем предшественнике? Я почти ничего не знаю о Жан-Люке, французском докторе, чья смерть привела к тому, что я сижу здесь. Только то, что он умер на льду в результате какого-то несчастного случая во время спуска.

Но каким-то образом я чувствую, что никто не захочет об этом говорить. Все-таки Антарктика опасна – это уж точно было понятно из интенсивного курса АСН по медицине. Здесь могло случиться все, что угодно, и мы находимся очень далеко от помощи. Легче вернуть кого-то с Международной космической станции, заметил один доктор из АСН в Женеве, чем отсюда посреди зимы.

Беспокоятся об этом другие так же, как я?

Я оглядываюсь по сторонам, но атмосфера среди примерно двух десятков людей в столовой кажется расслабленной и беспечной – если их и беспокоит то, насколько они изолированы, они хорошо это скрывают.

Несомненно, это наилучший способ, решаю я. Просто выкинуть это из головы.

Глава 3. 19 февраля, 2021 года

Где я вообще?

Я просыпаюсь, дезориентированная, в сумерках, искусственно созданных опущенными жалюзи. На несколько секунд я вернулась туда, в госпиталь, когда меня привезли после аварии. Такое же ощущение растерянности, замедленного времени. Постепенное вторжение воспоминаний.

Эти лисьи глаза в свете фар, стремительное приближение деревьев.

Никогда, к счастью, не момент столкновения.

Не последствия.

Но я не там. Я в Антарктике. Я прилетела на самолете вчера. Я собираюсь провести следующие десять месяцев здесь, на льду, с дюжиной других душ за компанию.

От этой мысли у меня беспокойно переворачивается желудок, а затем резко подступает тошнота. Я выбираюсь из кровати и бегу по коридору, добираюсь до тесной ванной как раз вовремя, чтобы успеть склониться над унитазом. Меня тошнит.

О боже. Я опираюсь о белую кафельную стену, тяжело дыша. Голова кружится от зарождающейся мигрени. Комната вертится секунду или две, и я боюсь, что упаду в обморок, но ощущение проходит через несколько глубоких вдохов.

Высотная болезнь. Все переносят ее после прибытия, но

я внимательно прослежу, чтобы она не переросла во что-нибудь похуже. Последнее, что мне нужно, это пневмония – редкое, но опасное осложнение от пребывания на таких высотах.

Поднимаясь на ноги, я набираю в руки воду из-под крана и пью, затем умываюсь, избегая смотреть на свое отражение. Это привычка, которую я выработала после восстановления. Я не хочу смотреть на шрам, на мои безвозвратно испорченные черты лица дольше необходимого – достаточно того, что я вынуждена терпеть реакцию окружающих.

Вернувшись в спальню, достаю несколько таблеток «Гидрокодона»³ из моих запасов и смотрю на часы. Пять сорок шесть утра. Я спала семь часов, самый длинный период непрерывного сна за многие месяцы.

Одевание в спортивные штаны и легкую футболку сопровождается вихрем искр и потрескиваний. Еще одна неожиданная черта станции – из-за сухой атмосферы статическое электричество ударяет по-другому. Вчера Дрю показал мне полоски алюминиевой ленты на всех столах, ведущие к радиаторам или другим заземленным частям здания, которые используются, чтобы «разрядить» себя, прежде чем прикасаться к компьютерам или другому чувствительному оборудованию. Он продемонстрировал, как проводить локтем по

³ Полусинтетический опиоид, получаемый из природных опиатов кодеина или тебаина. Препарат имеет болеутоляющий эффект, а также используется как сильное супрессивное средство от кашля. Входит в перечень запрещенных наркотических веществ.

стене, рассеивая накапливающееся электричество – это менее болезненно, чем позволить ему выходить через кончик пальца.

В столовой я удивлена, что не первая пришла к завтраку. Алекс сидит в одиночестве, согнувшись над книгой. Я наливаю кофе, молясь, что смогу удержать его в себе. Стоило бы пить только воду, но мне нужно, чтобы кофеин приободрил меня и смыл ужасный привкус во рту.

– Что-то хорошее? – я усаживаюсь напротив Алекса, кивая на его книгу.

– Ага. Очень жутко, – он показывает мне обложку, «Темная материя», Мишель Пейвер, а потом закрывает книгу и откидывается назад, не глядя мне в глаза. Есть в нем что-то такое, что я никак не могу определить. Напряжение в его позе. Какая-то настороженность. Я замечаю, что его правая нога подергивается, пока он проглатывает остатки своего тоста.

– Так как ты себя чувствуешь? – спрашивает он наконец, нетерпеливым жестом убирая волосы с лица. Это очень вежливый вопрос, но его тон намекает, что он спрашивает просто из вежливости.

– Как зомби, – морщусь я.

Тень мелькает на лице полевого ассистента. Он моргает, глядя на меня, потом отводит глаза.

– Просто высотная болезнь разыгралась, – поспешно добавляю я. – Ничего серьезного.

– Ну, ты в хороших руках, не так ли? Ты же доктор, – он напряженно улыбается, поднимаясь, как будто ему не терпится уйти. – Мне пора. Неполадка с душевыми. Мне надо бы помочь Каро их отремонтировать, пока не получил по шею.

Я понуро попиваю кофе, пока Алекс загружает свою тарелку и приборы в промышленную посудомойку – по утрам мы сами разбираемся с посудой, Дрю объяснил мне это вчера, в другое время мы убираем по очереди. Я наблюдаю, как он покидает столовую, и не могу отогнать ощущение, что его раздражает мое присутствие. Но почему? Наверняка я не сделала ничего, чтобы обидеть его?

– Ты, должно быть, Кейт.

Я поворачиваюсь к высокому, хорошо сложенному мужчине. В отличие от Алекса он вроде бы искренне рад видеть меня – на его лице расцветает приветливая улыбка.

– Меня зовут Арне. Жаль, что не смогли познакомиться вчера. Проблема с катом, у меня ушли почти весь день и вечер на его починку.

– С катом? – хмурюсь я, поднимаясь, чтобы пожать ему руку. Я надеюсь, что он не почувствовал дрожь изнеможения в моей.

– Короткое название «Катерпиллара», – улыбается он. – Это трактор, который мы используем, чтобы собирать снег для растопки на питьевую воду. – В его английском слышатся нотки скандинавского акцента.

– А-а. Очень важная вещь, в таком случае.

– Не то слово.

Я рассматриваю его, пока он добывает себе завтрак. Около тридцати, прикидываю я. Короткие темные волосы, седеющие на висках, но со светлым хохолком впереди. Это наиболее отличительная его черта, в остальном он, как могла бы описать моя мать с долей пренебрежения, выглядит «приятно».

– Значит, ты работаешь с транспортом? – спрашиваю я, когда он возвращается с мюсли и стаканом консервированного апельсинового сока.

– Я автомеханик на станции. Плюс помогаю с другими вещами. В общем, со всем, у чего есть двигатель. – Он указывает на мою одинокую чашку кофе. – Это весь твой завтрак?

– Меня тошнит от высотной болезни. Пройдет.

– Это хуже всего, – говорит он, принимаясь за еду. – Парня, с которым я приехал, пришлось увозить на неделю, так плохо ему стало. Церебральная...

– Церебральная эдема⁴?

– Ага, именно. Ему совсем поплохело. К счастью, он оклемался, когда его отвезли обратно в Крайстчерч.

– А ты откуда? – Я пытаюсь вспомнить список зимовщиков, который мне выдали в Женеве. – Извини, что не знаю, я все еще не пришла в себя после прибытия.

– Исландия.

⁴ Отёк мозга.

– Интересно, – отвечаю я, мысленно пиная себя за банальность. – Как долго ты уже здесь?

– Несколько месяцев. – Он отпивает сок. – Но я уже был на льду. В Мак-Мердо.

– Центральная станция, как я слышала.

Полярная станция США, самая большая на континенте, известная своей культурой пьянства. С более чем тысячью сотрудников летом, она больше похожа на маленький город, оборудованный банкоматами и боулингом. Даже, видимо, списанным ядерным реактором.

Арне улыбается, но не комментирует. У меня есть подозрение, что он развлекает меня, новенькую, а эта роль мне не по душе.

– То есть ты отлично разбираешься в веревках, – отваживаюсь я после полуминутного неловкого молчания.

– Да, – вздыхает он. – Буквально.

– В каком смысле?

– Ты уже была снаружи? – его взгляд устремляется к яркому свету, струящемуся сквозь окна.

– Только по дороге от самолета к станции.

– Ты заметила веревки вокруг здания?

Я качаю головой. Я была слишком занята тем, чтобы не отставать от Дрю и не замерзнуть насмерть.

– Так вот, они помогают не потеряться в плохую погоду или, например, если уронишь фонарик в темноте, можешь использовать их, чтобы вернуться назад на базу. Таким об-

разом ты не уйдешь в неправильном направлении.

– Полагаю, это добром бы не кончилось.

– Ты же доктор. Вот ты мне и скажи, как долго можно протянуть в минус шестьдесят по Цельсию.

– Недолго, – признаю я, размышляя, сколько именно времени будет у человека. Десять минут? Двадцать? Об этом лучше не думать.

– В любом случае, такого не произойдет. – Арне встает, и я снова замечаю, насколько он высокий. Как минимум метр восемьдесят, может, чуть выше. Но, в отличие от Люка, он с легкостью держится при таком росте, абсолютно уверенный в своем теле. – Просто не забывай об обычных предосторожностях, и все будет нормально.

– Как Жан-Люк Бернас? – выпаливаю я. – Что именно с ним случилось?

Арне замирает. Я ожидаю, что он сядет и расскажет мне, но напряжение разливается по его лицу, и он приобретает вид человека, желающего закончить разговор.

– Это был просто несчастный случай.

Секунду спустя его уже нет.

Я иду обратно к своей комнате, периодически останавливаясь, чтобы изучить фотографии, вывешенные на стенах главного коридора. Среди них обрамленное фото деревянной хижины Шеклтона, с ее старой плитой и уставленными древними банками консервов полками. Дальше несколь-

ко снимков людей на льду, одетых в стандартный для АСН красный.

Я задерживаюсь, изучая те снимки, что были сделаны летом, когда можно выйти наружу с неприкрытым лицом. Замечаю Дрю и Каро. Арк показывает поднятые большие пальцы камере, кристаллы льда блестят в его растрепанной бороде.

Рядом висит фото двух мужчин, улыбающихся фотографу, отсвет их красных курток придает обнаженным лицам здоровое свечение. Один из них Алекс. Он выглядит по-другому. Радостный, беззаботный, и даже каким-то образом моложе, как будто последующие месяцы состарили его. Именно это меня поразило сегодня утром, понимаю я, неопределимый налет... горя.

Возле него, закинув руку ему на плечо, красивый мужчина постарше, лет сорока. Короткие седые волосы. Загорелое лицо и широкая улыбка, его глаза сощурены будто от смеха.

Внизу синей шариковой ручкой нацарапаны буквы. Я присматриваюсь к ним.

RIP⁵.

Покойся с миром. Это, должно быть, Жан-Люк Бернас. Мой предшественник.

Проблеск какой-то эмоции, которую я не могу назвать. Тоска? Жалость? Я возвращаюсь в комнату, думая о том, как сильно смерть должна была повлиять на остальную команду.

⁵ Аббревиатура фразы «Rest in Peace».

Все, наверное, были разбиты. И напуганы, несколько недель без доктора, пока АСН лихорадочно искала временную замену, вероятно, стали тревожным временем для каждого.

Неудивительно, что они не решаются говорить об этом.

Я представляю себе дружелюбное лицо доктора. Более радостного Алекса. Жан-Люк, очевидно, всем нравился, и, скорее всего, по нему сильно скорбели. Вполне ясно, почему Алексу сложно смириться с моим прибытием.

Я сижу на койке какое-то время, пытаюсь взять себя в руки, но не могу избавиться от чувства неуверенности, от ощущения, что я самозванка. Головой я понимаю, что это смешно – я выиграла контракт после изнурительного трехдневного интервью и оценивания в Женеве, не говоря уже об интенсивном медицинском и физиологическом обследовании. Я настолько же квалифицирована для работы здесь, как и остальные.

И все равно я чувствую себя жалкой заменой человеку, которого они знали и, вероятно, даже любили.

Верный своему слову, Раф оставил все после себя в идеальном порядке. На столе в клинике лежит файл, заполненный детальными заметками о том, где что лежит, как получить доступ и пользоваться медицинской частью информационной системы, вдобавок там содержатся последние результаты экспериментов. Он даже нарисовал одномерный план операционной и ее запасов.

Как сам Раф разбирался, когда приехал? Не было никого, кто показал бы ему ориентиры. Меня тронуло, как много он сделал, чтобы не оставить меня в такой же ситуации.

«Пожалуйста, свяжись со мной, если тебе понадобится какая-то помощь», – написано от руки на безукоризненном английском в его записке. Под этим – электронная почта, привязанная к больнице в Неаполе. Я решаю поблагодарить его, как только буду онлайн.

Борясь с очередной волной головокружения и тошноты, я исследую мое маленькое царство. Две комнаты, соединенные двойной дверью. Одна – операционная, со столом для осмотра и большинством медицинских приборов, другая – мой офис и клиника, где хранятся все запасы лекарств. Здесь достаточно оборудования, включая вентилятор, наркозный аппарат, цилиндры с кислородом и разные хирургические и стоматологические инструменты, а также аппараты для рентгеновских снимков и простых анализов крови и мочи. Приятно видеть, что все, кажется, работает.

Я беру пару зубных щипцов, молясь, чтобы мне никогда не пришлось их использовать. Несмотря на интенсивный курс в Швейцарии, у меня ограниченный опыт в обращении с некоторыми из этих вещей.

Все будет в порядке, уверяю я себя. В конце концов, у тебя есть круглосуточная прямая ссылка на команду АСН в больнице при Женевском университете. Все, что я не знаю или в чем не уверена, они могут разъяснить. Даже насчет зубов.

Я отпираю каждый шкафчик и просматриваю впечатляющую гору медикаментов, включая щедрый запас бензодиазепинов⁶ и обезболивающих на основе опиатов.

Я беру одну из упаковок и разрываю печать, рассматривая пакетик нетронутых маленьких таблеток. Пересиливая порыв соблазна, я возвращаю их на место и запираю дверь шкафчика, решив пообещать себе: когда мои запасы иссякнут, на этом конец – никакого заимствования из инвентаря базы.

Я отвлекаюсь, пролистывая все медицинские записи – в АСН мне выдали печатные экземпляры вдобавок к электронным. Вынимаю каждый файл один за другим, быстро просматривая их. Замечаю, что несколькими членам команды – Алексу, Элис, Тому – выписали снотворное после смерти Жан-Люка.

Из-за постоянного дневного света, который может играть дьявольские шутки с циркадными ритмами? Или это связано со смертью доктора и намекает на более мрачные чувства, прячущиеся под дружелюбной личиной, которую они представляют миру?

Полагаю, я узнаю в свое время.

Закончив ознакомительную сессию, я провожу несколько тестов. Прикрепляя пульсоксиметр к пальцу, я замечаю, что насыщение крови кислородом упало до восьмидесяти девяти

⁶ Класс психоактивных веществ со снотворным, седативным, анксиолитическим, миорелаксирующим и противосудорожным эффектами.

ти процентов, а мои уровни гемоглобина реагируют на низкое давление от высоты. Намного ниже нормальных девяноста семи – девяноста восьми процентов. И, при ста девяти ударах в минуту, мой пульс слишком быстрый. Мне нужно присматривать за собой следующие несколько дней.

– Как ты?

Я удивленно вскрикиваю и, поворачиваясь, вижу Дрю в дверном проеме.

– Прости, – говорит он смущенно. – Не хотел застать тебя врасплох.

– Моя вина, – улыбаюсь я. – Витала в облаках.

– Все, как должно быть? Как там говорится? В полном порядке... – он замолкает.

– По бристольской моде⁷?

– Ага. Хотя я понятия не имею, что это значит.

– Я тоже, – признаюсь я. – А ведь я там живу.

– Нам придется поискать это позже, – говорит он, – если сможем получить доступ в чертов интернет.

Я морщусь, вспоминая разговор с Томом после вчерашнего ужина. Он терпеливо объяснил мне, как выйти онлайн, предупреждая, что соединение медленное, с ограничениями на использование до необходимых электронных писем и коммуникаций.

– Рассматривай это как детокс от соцсетей, – добавляет он

⁷ В ориг. «Shipshape and Bristol fashion» – разговорное выражение, образно описывающее что-то правильное, организованное и аккуратное.

с отрывистым немецким акцентом настолько серьезно, что я не понимаю, шутит ли он. Ему все еще тяжело смотреть мне в глаза, замечаю я. Может, он действительно ужасно стеснительный.

– Вижу, Раф оставил тебе кучу домашней работы. – Дрю поглядывает в сторону открытой папки на моем столе. – Пожалуй, оставлю тебя с этим. Я подумал, не хочешь ли ты прогуляться после обеда? Сегодня хорошая погода.

– Спасибо, – снова улыбаюсь я. – С удовольствием.

Несколько часов спустя я вновь в прихожей, натягиваю вещи для холодной погоды. Учитывая тепло внутри станции, в них душно, но как только мы окажемся снаружи, этого едва ли будет достаточно.

Я проверяю и перепроверяю одежду, убеждаясь, что я надела шапку и лыжные очки, нервничая, что покидаю теплый кокон станции, а затем следую за Дрю под ослепляющее солнце. Леденящий воздух врывается в легкие и покалывает обнаженную кожу лица. Почти мгновенно крохотные волоски в ноздрях твердеют и замерзают.

Ты в норме, говорю я себе строго. Ничего плохого не случится.

– Можем взять один из снегоходов, – предлагает Дрю, пока мы спускаемся по лестнице на лед. – Так тебе не придется слишком много ходить, пока не привыкнешь.

О боже, я настолько плохо выгляжу? Меня все еще немно-

го подташнивает, хотя мигрень и отступила после нескольких таблеток обезболивающего. Но, очевидно, моя усталость заметна.

Дрю ведет меня вдоль «Бета», за угол к большому ангару, где припаркованы несколько черных снегоходов. Он взбирается на ближайший, жестом приглашая меня сесть сзади. Я неловко вскарабкиваюсь на него, чувствуя пронизывающий холод сиденья сквозь утепленные штаны.

– Держись крепче!

Когда он заводит двигатель и трогается вперед по льду, я крепко обхватываю его талию. Мне неудобно и неловко, но мы объезжаем весь комплекс на нервирующей скорости, маневрируя вокруг веревок, о которых упоминал Арне, тянувшихся от «Альфа» и «Бета» к окружающим строениям.

– Вот там мы храним запасной генератор! – выкрикивает Дрю, когда мы проезжаем мимо самого большого сарая. Он указывает на огромные топливные контейнеры, наполненные дизелем, пока мы скользим мимо, прорезая тропу дальше к хижине поменьше.

Я пытаюсь сдержать нарастающую тревогу, когда мы направляемся в широкое белоснежное пространство, а «Альфа» и «Бета» отдаляются позади. Мне страшно покидать наше крохотное убежище в этом замерзшем забытом месте. Опасаюсь, что по какой-то причине уже не вернусь обратно.

Внезапно нам попадается выбоина во льду, и я взвизгиваю от неожиданности, еще сильнее цепляясь за Дрю.

– Ты в порядке? – спрашивает он, перекрикивая шум двигателя.

– Да! – Это ложь. Я напугана до смерти. Если я упаду, мне светит сотрясение мозга или, по меньшей мере, трещина в черепе. Я закрываю глаза, пытаюсь не думать об аварии, о неожиданном ощущении невесомости, когда машина оторвалась от дороги и полетела по воздуху.

Ты в норме, Кейт. Он, вероятно, водил эту штуку тысячу раз.

Минуту спустя мы останавливаемся у маленького здания.

– Метеорологическая будка, – сообщает Дрю. Я сползаю со снегохода, радуясь, что осталась цела. – Это в основном территория Сони.

Мы проходим внутрь. После холодного воздуха, бившего мне в лицо на снегоходе и пробиравшегося прямо сквозь воротник, который я натянула до самого носа, это место кажется удивительно теплым. Почти уютным, хотя я не вижу источников отопления. Парафиновый обогреватель в углу не зажжен.

– Большая часть этих штуковин предназначена для отбора проб снега и измерения концентрации озона. – Дрю машет рукой в сторону скамьи, нагруженной неопознанным оборудованием и контейнерами. – Но Соня приходит сюда выпустить ежедневный шар.

– Шар?

– С гелием. Он переносит инструменты для замера тем-

пературы, влажности и тому подобного и передает информацию обратно на базу на протяжении примерно ста пятидесяти километров.

– Соня приходит сюда для этого *каждый день?* – я пытаюсь представить себе, каково это – пересиливать жестокий белый мир день за днем. Быть здесь в одиночестве бесстрашным перед масштабом и враждебностью этого пейзажа.

– Ну да, – говорит Дрю. – Она пропустила только пару дней, когда была плохая погода. Но ей нравится, говорит, это ее ежедневный моцион.

Я снимаю очки и потираю глаза, представляя Соню, закутанную в уличное обмундирование, бредущую всю дорогу до этого укрытия. Меня переполняет восхищение. Я не думаю, что у меня хватило бы мужества. Или упорства.

– Ты в норме?

– Вроде бы да.

– Я охренеть как нервничал. В первый раз на льду у меня вообще случилась паническая атака.

– Серьезно? – Я смотрю ему в глаза, гадая, преувеличивает ли он из добрых намерений.

– Серьезно. Я так испугался, что меня чуть не стошнило. Это случается с тобой иногда из-за... простора. Насколько это все враждебно, – говорит он, озвучивая мои мысли. – Это место по-своему показывает, кто тут главный.

Я снова думаю о Жан-Люке, неспособная отогнать картину его смерти; здесь, где-то в этом заледеневшем мире, и

придерживаю желание расспросить Дрю о несчастном случае.

Не время и не место.

Мы наведываемся в хижину атмосферных исследований, где Элис, по всей видимости, проводит большую часть своего времени, собирая пробы воздуха, потом проходимся по остальным убежищам, возведенным для разных экспериментов. Некоторые остались заброшенными после отъезда большей части летней команды, объясняет Дрю, другие, включая круглую пещеру, выкопанную во льду на южной стороне станции, используются круглый год.

Мы перемещаемся к Омега, алюминиевой башне, которую я заметила с самолета.

– Самая высокая в Антарктике! – выкрикивает Дрю, виляя сквозь путаницу тросов, прикрепляющих ее к земле. – Пятьдесят метров в высоту и в километре от «Альфа». В ней хранится большая часть метеорологического оборудования.

– Соне приходится и сюда приходить каждый день? – Упаса Боже.

– Только около раза в неделю. Тогда она берет снегоход, – качает головой он.

Дрю сбрасывает скорость так, что мы медленно ползем, смотрит на башню, а затем снова на меня.

– Хочешь заценить вид сверху? Я прихватил крепежи и альпинистское снаряжение на всякий случай.

Я смотрю вверх на окованные льдом балки, под таким синим небом, что оно кажется почти черным.

– Может, в другой день. Я пока не уверена, что у меня хватит на это смелости.

– Наверное, правильное решение, – соглашается он. – Там отличный вид, но может быть опасно, особенно в ветреную погоду. Не лучшая идея, если чувствуешь себя не очень хорошо.

Вместо этого мы направляемся в противоположном направлении, к ряду больших куполообразных палаток, виднеющихся на горизонте. Я начинаю по-настоящему чувствовать холод, колючий воздух проникает сквозь толстые пуховые слои одежды, отчего у меня болят и пульсируют пальцы на руках и ногах.

– Что это? – спрашиваю я Дрю, когда мы проезжаем мимо небольшого купола на льду.

– Иглу! – кричит он, не останавливаясь. – Несколько парней построили его пару зим назад.

– Для чего?

– Ничего особенного, – смеется он. – Там пусто. Несколько членов летней команды ночевали там один раз на спор.

Я вздрагиваю от этой мысли – даже летом температуры здесь далеко ниже нуля.

Спустя пару минут тряски по льду Дрю притормаживает у палаток, примерно в полукилometре от станции.

– Добро пожаловать в «Гамма», – объявляет он. – Также

известную как летняя база. Здесь свой запас воды и интернет, даже есть кофемашина и душ.

– Как много людей остаются здесь?

– Около тридцати. Здесь бывает тесновато. И это также наше основное место для эвакуации при экстренных ситуациях на «Альфа» или «Бета». Хочешь взглянуть?

Он останавливается у входа, и я иду за ним внутрь. Там практически не на что смотреть, так как летняя команда переехала назад в основное здание – просто ровные ряды двухъярусных кроватей, расставленных на удивление близко друг к другу. Несколько маленьких ванных комнат и миниатюрная кухонька. По сравнению с этим моя давящая крохотная спальня кажется последним писком роскоши.

– Дашь мне десять минут? – спрашивает он. – Мне нужно проверить кое-какое оборудование.

Меня мгновенно атакует новая волна тошноты. Я глубоко вдыхаю. О Господи, пусть меня не стошнит здесь. Не перед Дрю.

– На самом деле, я думаю пройтись обратно, – торопливо говорю я. – Мне нужно немного разогреться.

– Уверена? – хмурится Дрю, явно не уверенный, что это хорошая идея.

– Тут недалеко. И мне не помешало бы размять ноги.

– Ладно, но возьми рацию, – настаивает он, протягивая мне свой аппарат. – Если будут какие-то проблемы, просто свяжись с базой. Увидимся в «Альфа».

Я прячу рацию в кармане куртки, затем выхожу из палатки и направляюсь в сторону главного здания. Через несколько секунд, однако, мне становится тяжело дышать.

Черт. Это и правда плохая идея – я забыла, насколько истоматывают даже короткие прогулки на такой высоте. Я останавливаюсь и пытаюсь вобрать в легкие побольше воздуха, радуясь, что Дрю меня не видит.

Переведя дыхание, я снова иду, осознанно замедляясь до предела, наконец-то найдя ритм, который могу поддерживать. Странно, но размеренное движение успокаивает желудок, и сопровождающее тошноту головокружение проходит. Без пронизывающего ветра, ощущавшегося во время поездки на снегоходе я даже могу опустить воротник и позволить солнцу, сияющему посреди безоблачного неба, согреть мое лицо. В середине лета, рассказала мне вчера Соня, нужно наносить толстый слой солнцезащитного крема для защиты от недостатка озона, но так близко к зиме все должно быть в порядке, по крайней мере, на пару минут.

На полпути к базе я замечаю яркий ореол сияния в небе слева от «Альфы», два насыщенных радужных пятна с двух сторон. Я останавливаюсь, чтобы вобрать в себя вид. Ложное солнце. Я читала о таком, но никогда не видела вживую. Горизонт дрожит, колебания света слегка меняют цвет льда внизу.

Красиво и завораживающе.

Из ниоткуда появляется бриз, подхватывая маленькие

вихри ледяных кристаллов, кружа их миниатюрными торнадо, танцующими вдоль ледовых гребней и щипающими обнаженную кожу моего лица.

Как называются эти гребни? Арк вчера говорил мне русское название этих параллельных линий в снегу, напоминающих волны.

Заструги, вот как. Я произношу слово вслух, наслаждаясь ощущением его во рту.

Заструги.

Мгновенно все оставшиеся опасения насчет приезда в Антарктику исчезают. Даже при всей суровости, блеклости есть что-то волшебное в этом мире и его разлогой, непостижимой пустоте. Воздух кажется до невозможности чистым и острым после загрязненного города. Вдалеке от постоянного шума внутри и снаружи станции тишина окутывает меня, как мягкое и успокаивающее одеяло.

Я глубоко вдыхаю, игнорируя пронизывающий холод в легких, ноющую боль в замерзших пальцах, смотря в бездонную синеву. Ни облаков, ни конденсационных следов самолетов. Мы так далеко, что даже спутники редко пролетают над нами.

Покой, думаю я, расслабляясь, наслаждаясь неподвижностью, тишиной.

Это – дар. Привилегия.

Я бы не хотела оказаться ни в одном другом месте на планете.

Глава 4. 22 февраля, 2021 года

– Как ты? Обустроилась?

– Отлично, – отвечаю я, пытаюсь казаться радостнее, чем чувствую себя на самом деле. Хоть показатели крови и пульс нормализовались, мигрени и тошнота все еще терзают меня. Постоянный снежно-белый дневной свет, льющийся сквозь каждое окно, нарушает мои биологические часы – я едва различаю, когда нужно есть или спать.

Элис прищуривается, ее гладкий лоб сморщивается от беспокойства.

– Ты уверена, что все хорошо? Выглядишь немного осунувшейся, если честно.

– *Осунувшейся?* Это как? – хмурится Арк.

– Она имеет в виду, что я не очень хорошо выгляжу. Нездорово, – добавляю я на всякий случай.

Арк ворчит и чешет бороду.

– Будешь в норме. Это, – он подбирает правильные слова, – болезнь высоты?

– Высотная болезнь. И, да, я поправлюсь через пару дней.

– Надеюсь, – говорит он мрачно. – Не хотелось бы и тебя потерять.

Соня хмурится в его сторону, но Арк игнорирует ее, от-

ламывая кусочек пападама⁸ и макая его в карри.

– Когда вся летняя команда уедет, – продолжает он, повышая голос, будто призывает кого-то присоединиться. – Ты застрянешь с нами. И если от этого тебе не плохо, то тебя ничто не возьмет, – он хохочет от своей же шутки, оглядываясь на реакцию окружающих.

Несколько человек сдержанно улыбаются. Мой четвертый день здесь, и некоторые зимовщики немного раскрываются. Маска ложной веселости, с которой они встретили меня, превратилась во что-то более... что? Я пытаюсь определить. Осторожность, чувство, будто все ходят вокруг на цыпочках.

Повисает пауза в разговоре, одна из тех, которые берутся из ниоткуда.

– Ну, это вкусно. – Каро салюует бокалом вина Радживу, чье лицо все еще пылает от кухонного жара. Его тюрбан сегодня тепло-оранжевого цвета – как оказалось, он носит разные цвета каждый день недели, чтобы помогать себе «следить за временем».

– Пожалуйста, – Раджив поигрывает усами и подмигивает Каро, рассмешив ее.

Ужин быстро становится моей любимой частью дня. С резко уменьшившимся количеством сотрудников, Дрю и Роб сдвинули столы в большой квадрат так, чтобы мы могли сидеть все вместе. Каждый вечер Элис опускает жалюзи в сто-

⁸ Блюдо индийской кухни, представляющее собой тонкую лепешку из чечевичной муки.

ловой и зажигает тройку свечей, блокируя вездесущее солнце и создавая более уютную атмосферу.

– А тебе как еда? – поворачивается ко мне Каро.

– Замечательно. Намного лучше, чем я ожидала.

– Антарктика по-своему влияет на аппетит, – размышляет она. – Либо ты все время голодный или вообще не хочешь есть. К сожалению, я из последних, – Каро хлопывает себя по животу и улыбается, хотя, честно, тяжело понять, какая у нее фигура под мешковатым топом и комбинезоном, которые она постоянно носит.

– Это не первый твой раз? – спрашиваю я.

– Второй. Первый раз я была в Моусоне, это австралийская база. Собиралась поработать и на Халли, но ее закрыли.

Я киваю. Халли, передовая полярная станция Соединенного Королевства, была эвакуирована, когда огромная секция шельфового ледника Бранта начала откалываться от антарктического континента.

– Значит, ты уже опытная?

– Наверное. Я поклялась в Моусоне, что это мой первый и последний раз, но вот я сижу здесь. Поди разберись.

– Все было настолько плохо? – Я пытаюсь сохранять беззаботный тон.

Каро склоняет голову набок, раздумывая.

– Давай просто скажем, что было интересно, но утомительно. Зима отделяет мужчин от мальчиков, уж простите мой сексизм – хотя, должна заметить, по моему опыту, жен-

щины справляются лучше.

– Это почему же? – Люк откидывается на спинку стула, большими глотками отпивая пиво из бутылки. Его выражение лица вызывающее, почти дерзкое, как будто он готов к спору. Несмотря на мои намерения поладить со всеми, есть в нем что-то, от чего я инстинктивно питаю к нему неприязнь. Какое-то безразличие, граничащее с самоуверенностью.

Каро выдерживает его взгляд, отказываясь отступить.

– Понятия не имею. Это просто наблюдение.

Люк разглядывает ее несколько мгновений, а затем концентрируется на своей еде. Я оглядываю стол. Здесь все еще есть полдюжины летних ученых, которые должны уехать через пару дней – как только самолет взлетит, нас останется тринадцать.

Спасибо, Господи, что я не суеверная.

Мне удалось познакомиться с большинством членов зимней команды, по крайней мере, хотя бы немного. Поболтали во время еды и в моей клинике, когда я попросила всех зайти на обычную проверку. Раф отлично справлялся, но я хочу установить свои правила.

Только двоим осталось показаться на осмотр: Алексу, активно старающемуся держать дистанцию, и Сандрин, которая тоже несколько не подобрела при более близком знакомстве. Даже макияжем невозможно скрыть темные круги под ее глазами, глубокие морщины на лбу. Слишком много работы, недостаточно сна.

На секунду наши взгляды пересекаются, а затем она снова отводит глаза. Я не смогла избавиться от ощущения, что не нравлюсь ей, что Сандрин почему-то возмущает мое присутствие здесь. Наверняка она должна чувствовать облегчение, что на базе снова есть постоянный доктор?

– Хреново, конечно, вышло с лепешками наан⁹. – Я смотрю на Роба, чьи волосы собраны в самурайский узел на макушке, выглядящий очень круто. – Прости, – говорит он, замечая мой взгляд.

– За что?

– За выражения. Мама вечно достает меня насчет этого. Хотя она знает чуть ли не каждое ругательство в английском и тайваньском.

– Не переживай, – смеюсь я. – Тебе стоит поработать в переполненной неотложке, вот где достаточно ругательств, уверяю тебя. В любом случае, что с лепешками?

– А ты не слышала? – драматично восклицает Элис. – У нас завелись зерновки!

– Зерновки?

– В муке. – Раджив выглядит безутешным. – Половина груза испорчена, и для новой партии нет места. Так что хлеб у нас теперь ограничен.

Это всех сильно расстроит, думаю я. Я, может, и пробыла здесь всего пару дней, но уже знаю, что свежееиспечен-

⁹ Блюдо индийской кухни. Пшеничные лепешки, традиционно пекущиеся в глиняной печи.

ный хлеб Раджива, который он приправляет всякими добавками – сушеным луком, чесноком, тмином, разными орехами и зернами – одно из коронных блюд в меню станции.

– А что не так с зерновками? – загудел Арк. – Больше белка! – Он раздражается еще одним приступом смеха, заметив отвращение на лицах окружающих. – Вы, малыши, недолго бы протянули в ГУЛАГЕ!

– Это *и есть* хренов ГУЛАГ, не так ли? – бормочет себе под нос Алекс.

Люк насмешливо фыркает, но Алекс игнорирует его. Я наблюдаю за ним с любопытством. Что он имел в виду? Но Алекс сконцентрирован на еде и избегает взглядов остальных.

Наверное, он все еще расстроен смертью Жан-Люка, решаю я, вспомнив ту фотографию, непринужденное товарищество, очевидно, царившее между ними. Возможно, ему тяжелее справиться с потерей, чем остальным.

Я пытаюсь доесть свою маленькую порцию карри. Каро права. Оно очень вкусное, наилучшим образом раскрывает вкус почти всех оставшихся в наших запасах овощей. После того, как последние коробки доставят завтра, это все – единственной свежей едой на шесть месяцев будет жалкий запас салата Дрю.

Когда все начинают вставать за десертом, я наклоняюсь к Элис.

– Можно задать тебе вопрос? – спрашиваю я тихо.

– Конечно. Выкладывай. – Она смотрит на меня своими ясными голубыми глазами.

– Что именно случилось с Жан-Люком?

– Никто тебе не сказал? – она удивленно вскидывает брови.

– Не в деталях. Я только знаю, что произошел несчастный случай на льду.

Элис закусывает губу. Сделав длинный глоток вина, она понижает голос, как и я.

– Он умер во время групповой экспедиции в Трансатлантических горах, примерно в трех днях езды отсюда на снегоходе. Там довольно глубокие расщелины, и мы практиковались в ледолазании... Он спускался в одну из них, и его подвело снаряжение. Он сорвался.

– Вот черт, – пораженно выдыхаю я. – Как вы его вытащили?

Элис как будто неуютно. Она окидывает взглядом стол, прежде чем снова заговаривает, понизив голос до шепота.

– Мы его не вытаскивали.

Шок настигает меня ударом по легким.

– Ты имеешь в виду... он все еще там? – Я вспоминаю фотографии на стене. Его доброе красивое лицо, улыбающееся в камеру.

О боже. Лучше об этом не думать.

– Не было способа вытащить тело, – объясняет Элис. – Пойми, Кейт, лед снаружи может достигать до четырех миль

в глубину. Эти расщелины спускаются очень, очень глубоко.

– Господи, – я пытаюсь переварить ужас этого осознания. – Но откуда вы знаете... что он... – я не могу заставить себя это сказать.

– Что он умер при падении?

Я удивленно смотрю на Алекса, встрявшего в разговор. О боже, он все... Жар приливает к щекам, когда я замечаю, что он смотрит на меня. Нет, это неподходящее выражение. Он *злобно* уставился на меня.

Разговор за столом затихает, когда все внимание переключается на нас.

– Дело в том, *Доктор Норт*, что мы понятия не имеем, – говорит Алекс. – Насколько мы знаем, Жан-Люк мог висеть там, раненный, часами, прежде чем умер. *Долбанymi часами*, – повторяет он, его голос повышается.

Это кажется маловероятным, учитывая температуру, но я не собираюсь спорить. Он выглядит взбешенным. На грани.

– Алекс, – Сандрин бросает на него предупреждающий взгляд, – сейчас не время и не место.

Он поворачивается к ней.

– У нас, мать его, *всегда* неподходящее время, не так ли, Сандрин?

Она прищуривается, поджав губы. От злости или другого чувства, я не могу различить.

Боковым зрением я вижу бледное лицо Тома, застывшее в напряженной гримасе. Он закрывает глаза на несколько се-

кунд, словно удерживая что-то под контролем.

Звук скребущего о пол стула возвращает мое внимание к Алексу. Он резко встает и выходит из столовой под взглядами остальных.

На дальнем конце стола я замечаю, как Сандрин скрывает какую-то эмоцию, отказываясь встречаться с нами взглядом.

Мои пальцы дрожат, когда я беру стакан, сгорая от чувства вины и стыда. Отпиваю большой глоток вина. Мне стоило держать рот на замке. Нужно было быть более деликатной.

Но ясно одно.

Гибель Жан-Люка нависла над этой полярной станцией как проклятье.

Глава 5. 25 февраля, 2021 года 4:02

Я проснулась, кажется, вечность назад, лежа на неудобной койке в этой давящей крохотной комнатке и борясь с зовом суперсильных снотворных таблеток в операционной. Что угодно, лишь бы перестать прокручивать в голове вчерашний вечер. Гневная вспышка Алекса, сдержанный упрек Сандрин. Мое собственное ощущение, что я вторглась на минное поле.

Под всем этим воображаемая картинка – Жан-Люк, мой предшественник, висящий где-то в невесомости в своей ледяной могиле.

Замерзший, возможно, навек.

Я закрываю глаза, блокируя свет, льющийся через щель в жалюзи, и вспоминаю документальный фильм о ледолазании, который смотрела с Беном за несколько месяцев до аварии. Нас обоих загипнотизировало, когда альпинист упал назад в расщелину, а его ноги опасно зависли над пропастью. Страх в его дыхании, прерывистом и учащенном, когда он опустился в ту бескрайнюю синюю пустоту.

Что чувствовал Жан-Люк в тот момент, когда натяжение страховочного троса исчезло и он рухнул в ледяные глубины?

Какой ужас? Какое недоверие?

Я надеюсь, что его страдание было секундным, что удар

головой лишил его сознания. Что он не лежал там долгие минуты, пока холод просачивался в его кости, зная, что у него нет абсолютно никакого шанса на спасение.

Отогнав эту картину, я выбираюсь из кровати, еле шевеля неповоротливыми и уставшими конечностями, и роюсь в шкафу в поисках таблеток. Бутылка уже стала заметно легче. Я хмуро заглядываю внутрь, вспоминая свое решение завязать с этой привычкой по прибытии на лед.

Где еще, как не в Антарктике, думала я. Вдалеке от привычной рутины, от искушения блокнота для выписки рецептов.

Но теперь это не кажется таким легким. После мгновенного колебания и презрения к себе я разжевываю парочку таблеток «Гидрокодона», чтобы они как можно скорее попали в кровь, а затем натягиваю одежду и направляюсь в столовую.

Там только Том сидит в углу, глядя в окно. Он кивает в знак приветствия и отворачивается. Я колеблюсь, изучая его затылок, аккуратную короткую стрижку, безупречно выглаженные рубашку и штаны, раздумывая, стоит ли прилагать усилия, чтобы узнать его получше.

Но что-то в его опущенных плечах, его старательно отвернутом взгляде подсказывает мне – он предпочитает, чтобы его не беспокоили. Я варю кофе, делаю тост и ретируюсь в клинику. Работа, как я давно поняла, является антидотом практически ко всему.

В конце концов, она помогла мне выжить после потери

Бена.

К счастью, работы было предостаточно. Я провела несколько часов, просматривая разные медицинские эксперименты, доставшиеся мне по наследству как доктору станции. Жан-Люк и Раф уже собрали невероятное количество информации о каждом из зимовщиков: измерения давления, температуры, насыщения кислородом и частоту дыхания плюс еженедельные анализы крови, проверяющие уровни холестерина и гемоглобина. Не говоря уже о регулярных анализах мочи и кала, чтобы следить за тем, как их иммунные системы реагируют на замкнутую окружающую среду, учитывая, что никакие вирусы, бактерии и грибки не могут выжить вне нашего маленького кокона.

Вдобавок к этому есть еще уйма поведенческих данных с наших браслетов, которые мы все должны носить, предназначенных для мониторинга уровня активности, сердцебиения и сна, а также фиксирования нашего местоположения на базе. Вместе с опросниками и видеодневниками все это нацелено на изучение того, как темнота и изоляция влияют на наше настроение и социальное взаимодействие. Наше настоящее настроение, если точнее, а не общественный фасад, который мы пытаемся поддерживать.

Все это, несомненно, немного напоминает Большого Брата. Но мы все на это согласились.

Я разглядываю результаты, надеюсь, что они смогут пролить свет на напряжение, которое я уже заметила на станции.

Но понять систему оказывается невозможным, и у меня нет сил копать глубже, так что я переключаюсь на другой экран, проверяя расписание тестов.

Вот черт. Анализы крови были запланированы два дня назад, я уже отстаю. Я встаю и открываю шкаф с припасами, ища новые иголки и шприцы. Я как раз вытаскиваю коробку антисептических салфеток, когда замечаю конверт, засунутый под нее. Подбираю его и разглядываю надпись спереди, выведенную длинным отчетливым курсивом, которому французов учат в школе.

Николь Бернас, гласит надпись, с адресом в Лилле. Жена Жан-Люка, предполагаю я, или его мать или сестра.

Но от слов в углу, аккуратно написанных большими английскими буквами, у меня перехватывает дыхание: «НА СЛУЧАЙ МОЕЙ СМЕРТИ».

Что за...? Я недоверчиво пялюсь на слова, потом проверяю заднюю часть: никаких надписей, но конверт крепко запечатан.

Как это оказалось в шкафу с припасами? Жан-Люк спрятал это здесь намеренно?

Я смотрю на конверт, гадая, когда он это написал, и борясь с соблазном заглянуть внутрь. Все это время пытаюсь найти ответ на более очевидный вопрос – с чего бы доктор посчитал нужным оставить посмертное письмо?

Не мог же он ожидать того, что с ним случилось на льду? Прежде чем я успеваю все обдумать, незнакомое жужжа-

ние привлекает мое внимание. Я спешу к окну и выглядываю наружу. Там, на горизонте, виднеется крохотная точка в безоблачном синем небе.

Последний рейс. Он здесь.

Меня охватывает неожиданная волна тревоги, когда я смотрю, как маленький самолет увеличивается, неся с собой мой последний шанс передумать. Сейчас или никогда, понимаю я. Как только самолет снова взлетит, я останусь здесь. Не будет никакого способа покинуть базу следующие восемь месяцев.

Я поглядываю на письмо в руке, объятая неожиданным и тревожным мрачным предчувствием. Я провела здесь всего лишь неделю, но нельзя отрицать, что над станцией зависло почти осязаемое напряжение, едва скрываемое беспокойство.

Во что конкретно я ввязалась?

Мигрень вновь начинает пульсировать в висках, пока я наблюдаю, как самолет кружит, готовясь к посадке на модельной полосе. Я вспоминаю монотонность своего существования в Бристолле – долгие часы в больнице, одинокие вечера дома, готовые ужины, подогретые в микроволновке, просмотр Netflix, свернувшись на диване.

Моя жизнь после аварии.

Моя жизнь в одиночестве.

Действительно ли я хочу возвращаться к этому?

Колеса самолета соприкасаются с землей, отскакивая па-

ру раз и поднимая струю ледяных кристаллов, блестящих на свету. Солнце отражается от лобовых стекол, когда самолет сбрасывает скорость и поворачивает в сторону «Бета».

У меня нет выбора, осознаю я. Если уеду домой сейчас, то оставлю всю базу на зиму без доктора – для АСН будет практически невозможно нанять и натренировать нового в такой поздний срок. Плюс риск перевозить сюда кого-то увеличивается в геометрической прогрессии по мере приближения зимы, когда перелеты становятся слишком опасными. Черт, им, возможно, даже придется эвакуировать всю базу.

Как это повлияет на мою профессиональную репутацию? Не говоря уж о моей совести.

В дверь стучат. Я быстро засовываю конверт в карман джинсов, когда Каро входит, одетая в уличное снаряжение.

– Эй, Кейт, идешь помахать им напоследок?

– Пилоты разве не останутся ненадолго?

– Сегодня слишком холодно, – качает она головой. – Им нельзя заглушать двигатели, иначе они замерзнут.

Я закрываю дверь клиники и захватываю пару теплых вещей из своей комнаты, выпиваю еще две таблетки, а затем спешу в прихожую, где нахожу последних членов летней команды. Грусть и облегчение отражаются на лицах, когда они обнимают всех, включая меня. Я надеваю уличную одежду, потом спускаюсь по лестнице, хватая воздух ртом, когда холод попадает в легкие, заставляя глаза слезиться, а грудную клетку сжиматься от шока.

К этому невозможно привыкнуть.

Вокруг меня роятся люди, все спешат к заправочной колонке. Пока я бреду по льду, прохожу мимо Люка и Дрю, уже возвращающихся на снегоходах, буксирующих сани, нагруженные ящиками яблок и картошки, авокадо и киви, спеша доставить наши последние ценные запасы свежей еды внутрь, пока все не замерзло.

Впереди маленькая фигура прокладывает путь к самолету.

– Сандрин!

Начальница станции поворачивается, услышав свое имя, и ждет, пока я ее догоню. Я снимаю перчатку и засовываю руку в карман джинсов, вытаскивая уже немного помятый конверт.

Ее глаза округляются, когда я протягиваю находку и она читает имя.

– Где ты это взяла? – она хмуро смотрит на меня со слегка обвиняющим выражением лица.

– Я нашла это в шкафчике с припасами. Предполагаю, что Жан-Люк оставил его там.

Сандрин разглядывает надпись спереди. Ее рука дрожит, замечаю я. То ли от холода, то ли от этого нежелательного напоминания о гибели моего предшественника, сказать невозможно.

– Ты не смотрела, что там? – спрашивает она.

– Конечно, нет! – оскорбленно отвечаю я. – Он такой же,

каким я его нашла.

Быстро оглянувшись, Сандрин засовывает письмо в карман и кивает в сторону самолета.

– Они ждут.

Мы присоединяемся к небольшой группе, скучившейся вокруг «Твин Оттера»¹⁰. Все подпрыгивают и размахивают руками, чтобы согреться, в то время как летняя команда поднимается на борт и рассаживается по местам.

– Ты в порядке? – спрашивает Арне, пока я задыхаюсь от быстрой ходьбы по льду. Большая часть его лица неприкрыта, его, видимо, не смущает кусачий холод. Он рассматривает меня с тем же выражением слабого беспокойства, которое я замечала у Элис, как будто я хрупкая, или словно тоже могу внезапно исчезнуть.

– Конечно, – отвечаю я, но мой голос ломается. Я все еще обдумываю разговор с Сандрин. Почему после каждого разговора с ней у меня остается чувство, что я что-то сделала не так?

Я ощущаю новый прилив паники от мысли, что останусь здесь. Несмотря на воротник и лыжные очки, у меня появляется неприятное подозрение, что окружающие считывают мое настроение, что они знают – часть меня хочет схватить вещи и последовать за летними учеными в этот самолет.

Я оглядываюсь по сторонам, но все внимание приковано

¹⁰ Двадцатиместный турбовинтовой самолет с укороченным взлетом и посадкой, приспособлен к неподготовленным грунтовыми площадкам.

к отправляющейся команде. Только Том, стоящий на некотором расстоянии от остальных, перехватывает мой взгляд, быстро отводя глаза.

Я уверена, он прекрасно знает, о чем я думаю.

– Эй, не забудьте это! – Каро передает небольшую связку конвертов одному из пилотов. Я понимаю, что это наш последний шанс отправить письма друзьям и родным за следующие восемь месяцев. Черт. Мне стоило приложить поздравительные открытки ко дню рождения сестры и племянников.

Уже слишком поздно.

Я гляжу на Сандрин, ожидая, что она достанет письмо от Жан-Люка. Но начальница станции просто неподвижно стоит, пока члены экипажа закрывают двери и взбираются на борт.

Какого хрена? Наверняка она должна отправить это письмо в АСН, чтобы они передали послание его жене?

Я не отвожу от нее взгляда, но Сандрин игнорирует меня, глядя на самолет, когда пилоты дают сигнал ко взлету. Секунды спустя самолет отъезжает, вся летняя команда машет на прощание через маленькие иллюминаторы.

– Хорошего полета! – кричит Элис, бешено размахивая руками и подпрыгивая на месте. – Увидимся на той стороне.

Дрю и Люк подъезжают на снегоходах, когда самолет катится по взлетной полосе. С оглушительным ревом двигателяли набирают обороты и самолет ускоряется на льду, а затем

медленно, неумолимо поднимается в воздух.

Мы стоим, наблюдая, как «Твин Оттер» становится все меньше, съезживаясь в крохотную точку, прежде чем полностью исчезнуть в неистово синем небе. Пару минут мы молчим, осознавая случившееся. Красные куртки на белом снегу. Единственные живые существа на мили вокруг.

Нас тринадцать. И мы совсем одни.

– Ну, вот и все, – торжественно заявляет Арк, смахивая снежные кристаллы с бороды. – Теперь вы застряли со мной.

– Тут точно без выпивки не обойдется, – вздыхает Соня.

Она медленно ведет процессию обратно к «Альфа», и я иду по ее следам, борясь с чувством, что совершила одну из худших ошибок в жизни.

Глава 6. 30 марта, 2021 года Месяц спустя

– Хорошо спала? – Дрю пододвигает к себе пустой стул во время завтрака.

– Не очень. Я все время слышу шаги в коридоре, – я принимаюсь за свои мюсли, мечтая о свежих фруктах и густом греческом йогурте к ним.

– Это Том или Роб, – зевает Арне. – Они становятся... как вы говорите... жаворонками?

– Совами? – подсказывает Элис. – Ты имеешь в виду, что они спят не ночью, а днем?

– Да, именно, – подтверждает Арне.

Сегодня за завтраком довольнолюдно, замечая я. Дрю, Арне, Элис и Люк сидят на одном конце обеденного стола, Алекс на другом, зарывшись с головой в журнал. С первого заката неделю назад часы темноты постепенно увеличивались, и посещение столовой стало более беспорядочным, как будто иссякающий дневной свет спровоцировал какую-то примитивную тягу впасть в спячку.

– В любом случае, – поворачивается ко мне Дрю, – как насчет экскурсии на башню? Тебе правда стоит посмотреть на вид оттуда, прежде чем станет слишком темно и холодно, чтобы рисковать. Прогноз погоды сегодня хороший, и я обе-

щал Соне, что проверю кое-какое метеорологическое оборудование.

Я сомневаюсь. Хочу ли я поехать? Я не то чтобы боюсь высоты, но это чертовски высокая башня и подъем кажется небезопасным.

К тому же мне не хватает энергии. Дезориентирующий эффект резкой смены сезонов поверх моего и без того безобразного режима сна сделал меня перманентно сонной. Усталость постоянно терзает меня, вызывая боль в глазах и замедляя мозг, так что мысль тащиться на ту башню кажется менее чем привлекательной.

– Сейчас или никогда, детка, – подначивает Дрю. – Это твой последний шанс до весны.

Он изучающе разглядывает меня, отчего я чувствовала себя до того глупо, будто только приехала. Но после шести недель я перестала пытаться замаскировать шрам, пресекая редкие расспросы простейшим ответом: автомобильная авария.

– Ладно, – неохотно соглашаюсь я. – Перед обедом? Мне еще нужно сделать анализы крови.

Краем глаза я вижу, как Арне задумчиво наблюдает за нами.

– Я тоже поеду, – говорит он. – Мне не помешал бы свежий воздух.

– Я думал, ты занят с барахляющим снегоходом? – приподнимает бровь Алекс.

– Это подождет. – Арне смотрит на Алекса. Тот все еще разглядывает свой журнал, но что-то в его манере свидетельствует о том, что он слышал каждое слово. – Ты присоединишься?

– Нет, спасибо, – Алекс поднимает взгляд на нас. – Я уверен, вы втроем справитесь.

– Тебе понадобится альпинистское снаряжение, – вставляет Люк, жуя кусок тоста. – Но лучше перепроверь его сначала. – Хотя его замечание явно адресовано Дрю, я замечаю, что смотрит он только на Алекса.

Арне бросает на Люка предупреждающий взгляд, и я растерянно хмурюсь. Это вроде бы вполне безобидная фраза. Но, конечно же, лицо Алекса напрягается. Он откидывается на стуле и неспешно оглядывает нас.

– Ты знаешь, где все лежит, Дрю. Все проверено, готово к использованию.

Дрю кивает, но губы Люка подергиваются в ухмылке. В воздухе витает напряжение, и у меня появляется отчетливое ощущение, что они что-то недоговаривают. Но Алекс игнорирует его, снова обращая внимание на журнал.

– Береги себя, Кейт, – говорит Элис, слишком радостно, как кто-то, пытающийся разрядить непростую ситуацию. – Эта штука чертовски скользкая на холоде.

– Увидимся в прихожей в полдень? – Арне поглядывает на часы.

Дрю встает.

– Хорошенько закутайся, – говорит он мне и уходит.

Учитывая предстоящий подъем, я надеваю на несколько слоев больше, чем обычно. К тому времени как я оказываюсь в прихожей, я обильно потею, а ведь еще даже не надела уличную одежду.

– У тебя лицо почти такое же красное, как костюм, – улыбается Дрю.

– Чувствую себя как человек «Мишлен», – я морщусь. Наверное, и выгляжу примерно так же привлекательно, мрачно думаю я.

– Как кто? – растерянно спрашивает Арне.

– Это значит, слишком толстый. – Когда я для устойчивости придерживаюсь рукой за полки, натягивая ботинки, статическое электричество арками тянется к пальцам. – Ай! – вскрикиваю я, рассмешив Дрю и Арне.

С трудом натянув куртку, ищу подкладки для перчаток в кармане, а когда вытаскиваю, что-то выпадает на пол.

Мои таблетки.

Я наклоняюсь за ними, но Дрю опережает меня.

– Сильная штука, – замечает он, глянув на этикетку на пакетике из фольги и передавая его мне.

– Это не мое. – Я быстро засовываю их обратно в карман. – Они для кое-кого другого.

Это абсурдная ложь, и все мы это знаем. Я чувствую, что краснею, и тянусь к балаклаве и лыжным очкам, спеша при-

крыть свой стыд. Я не осмеливаюсь смотреть на них, просто безучастно слеую за ними в гараж.

– Ладно, мы готовы? – Они загружают кучу альпинистского снаряжения на снегоход Арне, затем мы с Дрю на другом присоединяемся к нему на льду. Мы едем конвоем, подпрыгивая на снежных гребнях, купающихся в золотом свечении лучей восходящего солнца.

Я буду по этому скучать, думаю я, пока мы проезжаем мимо внешних зданий и направляемся к Омеге. Всего через несколько недель, свет окончательно поглотит двадцатичетырехчасовая тьма.

Четыре долгих месяца тьмы.

Я чувствую трепетание страха глубоко в солнечном сплетении. Справлюсь ли я? Справимся ли все мы? Напряжение сегодня за завтраком не предвещало ничего хорошего на зиму взаперти.

Арне подъезжает к подножию башни и начинает разгружать снаряжение. Мы останавливаемся рядом с ним.

– Ты уже пользовалась этим? – спрашивает он, помогая мне надеть мягкое крепление.

Без предупреждения меня атакует воспоминание. Бен и я, спускающиеся с ущелья Эйвон, в нескольких милях от Бристоля. Двухдневный курс, давно висевший в моем списке желаний, был его подарком на день рождения.

Несмотря на это, за несколько секунд до первого спуска меня охватила паника.

– Я не думаю, что смогу сделать это, – прошептала я, пока нас не слышал инструктор.

– Хрень собачья, – отрезал Бен, потом легонько поцеловал меня в губы, так нежно, как он делал, когда еще любил меня.

Еще один прилив тоски и грусти атакует меня, такой же свежий и отчетливый, как в тот день, когда он ушел. Я борюсь с желанием тайком достать таблетки из кармана и проглотить парочку. Слишком рискованно, особенно после того что только что случилось в прихожей.

Я делаю несколько глубоких вдохов и иду за Арне и Дрю к подножию первой лестницы, подавляя растущее головокружение, когда смотрю вверх сквозь алюминиевые тросы башни.

Действительно ли я хочу это сделать? Она выглядит до невозможного высокой.

С другой стороны, я не могу просто стоять здесь, иначе замерзну. Я оглядываюсь на «Альфа», почти километр вдали – длинная прогулка пешком, и я не хотела бы делать это одна.

– Ты передумала? – смотрит на меня Арне. – Я могу отвезти тебя обратно.

Достаточная часть его лба открыта, чтобы заметить, как он нахмурился от беспокойства, и не в первый раз я ловлю себя на том, что завидую девушке Арне в Исландии. Он, может, не настолько красив, как Дрю, но излучает спокойную уверенность в себе, поэтому возле него приятно находиться.

Как Бен, осознаю я с очередным проблеском сожаления. До того, как все испортилось.

– С ней все будет нормально, – Дрю шутливо ударяет меня по руке. – Не так ли, Кейт?

– Давайте сделаем это, – говорю я, немного набравшись энтузиазма. Что там говорила моя мать после аварии, когда впервые столкнулась с раной на моей щеке? Что нас не убивает, делает сильнее.

Или уродливее. Она не сказала этого, но оно было там, в ее глазах. В том, как она поморщилась, когда я сняла повязку.

– Ладно, мы готовы, – Дрю перепроверяет веревки и карабины. – Кейт, хочешь пойти первой?

– Почему бы тебе это не сделать? – предлагает Арне в свою очередь. – Кейт может последовать за тобой, а я буду сзади.

Дрю кивает и принимается за дело. Я сжимаю зубы и начинаю подъем за ним, крепко хватая перекладины лестницы. В ушах звенят шаги ботинок о металл, пока мы поднимаемся на новые уровни, переходя по маленьким платформам на следующие. Медленно, осторожно мы зигзагом забираемся вверх, Дрю подправляет мое снаряжение по мере подъема.

К тому времени как мы добираемся до середины, пальцы болезненно онемели, холод проник через толстые пуховые перчатки. Но это ничто в сравнении с неприятным узлом в животе, который затягивается, когда мы поднимаемся еще выше.

Ты в порядке, повторяю я себе снова и снова, пытаюсь не смотреть вниз. Ты не можешь упасть.

Но Жан-Люк упал, возражает голос у меня в голове. Альпинистское снаряжение его не спасло, не так ли?

Представление моего предшественника в свободном полете снова заполняет мое воображение. Ноги деревенеют, и я останавливаюсь на лестнице, прерывисто дыша, на грани паники.

– Ты в норме? – слышится голос Арне сзади меня. – Мы можем спуститься вниз, если хочешь.

– Я в порядке, – настаиваю я. – Мне просто нужно перевести дух.

Глубоко вдыхая, я снова прихожу в движение, фокусируюсь на горизонте, на широком пейзаже, открывающемся вокруг нас. Дрю был прав. Утро превратилось в чудесный день, без тумана или низко висящих облаков, закрывающих вид на мили вокруг. На расстоянии «Альфа» и «Бета» выглядят маленькими и далекими, напоминая о моем первом взгляде на ледовую станцию из крохотного «Баслера».

Всего лишь несколько недель назад, но чувствуется, как миллион лет.

Несколько минут спустя мы добираемся до верхней платформы. Дрю испускает длинный медленный свист, когда Арне и я присоединяемся к нему.

– Поразительно, да?

Я оглядываю вид на триста шестьдесят градусов, пытаюсь

игнорировать покачивание башни на ветру. Он прав. Это абсолютно потрясающе. Гребень за гребнем снега, белый океан, волнующийся так далеко, как видит глаз. Над ним бесконечное давление глубоко синего неба. Я начинаю понимать, что привлекает людей обратно в это место, зима за зимой. Пустота завораживающая, гипнотизирующая.

Крепко держась за перила, я опускаю глаза вниз и вижу тень башни на снегу, силуэты нас троих. Я поднимаю руку и машу, и моя тень машет в ответ.

– Что это они делают?

Голос Арне привлекает мое внимание к горизонту. Он указывает на пространство в нескольких сотнях ярдов от задней части «Альфа». Я прищуриваюсь против солнечного света, замечаю снегоход, дугой отдаляющийся от станции, за ним закутанная в красное фигура, скользящая по льду на большой скорости.

На мгновение я не могу понять, на что смотрю, но потом осознаю: человека тянут на сноуборде.

– Люк, я предполагаю, – Дрю смотрит на них. – Роб, наверное, за рулем.

– Они едут слишком быстро, – говорит Арне, когда они устремляются к «Гамма», подскакивая на хребтах спрессованного снега.

Неожиданно, как будто мы накликали беду, доска зацепляется за гребень, и наездник взлетает в воздухе, тяжело приземляясь на лед.

Я жду с застывшим в груди сердцем, пока кто-нибудь из них поднимется.

– Дерьмо, – вздыхаю я, когда этого не происходит. Я бросаюсь к лестнице, ноги скользят на заледеневшей металлической платформе.

– Кейт, подожди! – Дрю оттягивает меня назад. – Позволь мне пойти первым. – Арне, ты бери веревки и убедись, что она спустится безопасно.

Он сбрасывает свое снаряжение, спускается по лестнице с нервирующей скоростью и с громким ревом уносится на снегоходе. Я следую за ним так быстро, как только осмеливаюсь, пытаюсь подавить раздраженный стон каждый раз, когда Арне останавливается, регулируя альпинистское снаряжение. Всю дорогу вниз я мысленно прокручиваю все возможные сценарии – сотрясение мозга, перелом ноги, вывихнутое плечо.

Ничего хорошего.

– Держись крепче! – выкрикивает Арне, когда мы возвращаемся на землю и садимся на снегоход. Он разгоняет двигатель, и мы стремительно уносимся от башни. После нескольких мучительных минут мы наконец-то добираемся до маленькой кучки людей на льду, и я с облегчением вижу, что Люк уже сидит, нерешительно сгибая правую ногу.

– Ты ушибся? – Я падаю на колени рядом с ним.

К моему удивлению, он стаскивает балаклаву и широко улыбается.

– Просто разбил очки. Не нужно паниковать, доктор Норт.

– Ты уверен? Ты чертовски сильно грохнулся.

– Эй, расслабься, – в его голосе слышится раздражение. Я хмуро смотрю на него, затем замечаю расширенные зрачки.

Господи. *Он обдолбан.*

Я оборачиваюсь к Робу, топчущемуся неподалеку. Его лыжные очки закрывают глаза, но что-то подсказывает мне, что он в таком же состоянии, как и Люк.

Я раздумываю, как подойти к ситуации, когда появляется Алекс, почти бегущий по снегу. Хоть его лицо и закрыто, я вижу, что он взбешен. Сандрин следует за ним по пятам, задыхаясь от усилий.

– Какого хрена вы тут делали? – кричит Алекс, глядя с Роба на Люка и обратно. – Вы даже шлемы не надели. У вас совсем гребаная кукуха съехала? – Он яростно смотрит на Люка, на кристаллы льда, уже формирующиеся на его лице, на открытые волосы под шапкой, затем шагает к нему.

– Жан-Люк тебя предупреждал, – он тычет пальцем в грудь Люка. – Мне стоило бы, мать твою, на тебя пожаловаться.

– Да ну, – огрызается Люк. – Как интересно слышать это от тебя!

Затянутая в перчатку рука Алекса сжимается в кулак. На секунду мне кажется, что вот теперь все взорвется, но после мгновенного колебания Алекс разворачивается и направляется назад к базе.

– Не круто, – Арне поворачивается к Люку. – Вообще не круто.

– Он перебесится, – пожимает плечами тот. С крихтением он поднимается на ноги, отмахиваясь от протянутой руки Дрю.

– Мне правда нужно сделать рентген ноги, прежде чем ты будешь на нее опираться, – говорю я, но Люк отмахивается и от меня, ковыляя за сноубордом. Я чувствую смесь раздражения и облегчения. Наверное, просто потянул мышцу или вывихнул колено.

Я поворачиваюсь к Сандрин, гадая, что сделает она, в конце концов, это серьезное нарушение правил безопасности, даже не учитывая тот факт, что они оба, очевидно, не в себе.

Но она игнорирует меня, вместо этого глядя на Дрю.

– Пойди проверь, все ли с ним в порядке, хорошо? – она кивает в сторону удаляющегося силуэта Алекса. – Вы двое можете пройти до станции, – говорит она Люку и Робу, а затем забирается на их снегоход, заводит двигатель и с шумом исчезает.

Я недоверчиво пялюсь ей вслед. Какого черта? Она не собирается делать *ничего*?

Я чувствую, как кто-то легонько сдавливает мою руку.

– Забудь, – в голосе Арне звучит предостережение. – Пойдем обратно.

– Может, не стоит их здесь оставлять? – я поглядываю на Люка и Роба, спорящих, что делать со сноубордом. – Долгий

путь с поврежденной ногой.

– Ты слышала Сандрин, – бормочет Арне, отворачиваясь. – Это их проблема.

Глава 7. 29 апреля, 2021 года

Я замерзаю – это тот вид пугающего холода, от которого немеет мозг, болят зубы и ноет челюсть. Несмотря на керосиновую горелку в самодельном убежище, пальцам так холодно, что я едва ли могу держать горшки для проб, пока работаю.

– Еще много осталось? – Дрю направляет фонарик на мои руки.

– Всего парочка. – Я неловко вожусь с крышкой следующего контейнера, в тысячный раз жалея, что вызвалась собирать еженедельные пробы снега. Девять недель назад, когда остатки летней команды уехали и кому-то нужно было взять на себя эту задачу, двадцать четыре часа в сутки было светло. Я не учла, как сложно будет это делать в темноте.

И после сегодняшней ночи будет еще предостаточно, мрачно думаю я, запихивая снег в контейнер.

– Я надеюсь, что эти умники из Женевы найдут что-нибудь захватывающее, – бормочет Дрю, топая ногами, чтобы согреться. – Инопланетные формы жизни, как минимум.

Я смеюсь. Вот это мне нравится в Дрю – он всегда умудряется поднять мне настроение – непростая задача, учитывая нарастающую напряженную атмосферу на станции по мере того, как часы дневного света уменьшились до смутных сумерек и солнце висит еще ближе к горизонту. Я недооцени-

ла, как сильно затяжная темнота нарушает циркадные ритмы и любое ощущение режима, истощая всю энергию и затуманивая мозг, превращая простейшую задачу в вызов.

– Вот гадство. – Пальцы болят так сильно, что я роняю последний контейнер, теряя его где-то на снегу. Дрю проводит лучом фонарика по земле, пока я ищу его.

Я подавляю раздраженный вздох. Как я смогу делать это следующие четыре месяца непрерывной ночи? Я не могу столкнуться с этим одна, и мне неохота признаваться в моем давнем страхе темноты перед коллегами. Но есть лимит тому, как много раз я могу просить Дрю сопровождать меня. Не то чтобы он когда-то протестовал, но я не хочу усложнять нашу дружбу.

За последние несколько месяцев он стал моим ближайшим союзником. По мере того как зима сгущалась, а мои вежливые напоминания были встречены с нарастающей апатией и отговорками, он гонялся за людьми, заставляя их сдать анализы крови и кала, защищая меня, когда они начинали возмущаться насчет ведения видеодневников или опросников. Он вызвался тренироваться в качестве ассистента хирурга, даже предложил помочь с одним из бесконечных информационных обновлений медицинской системы.

А ведь, помимо всего, у него была и своя рабочая нагрузка.

– Все. – Я наконец-то нахожу пропавший контейнер и на-

бываю его снегом. – Давай убираться отсюда к чертям.

– Мне очень нужно пиво, – облегченно вздыхает Дрю. – И душ бы не помешал, но хватит и пива.

Я согласно ворчу, но не могу не чувствовать жалость к Каро, которой пришлось терпеть налеты целыми днями, с тех пор как водопровод снова сломался по неизвестным ей причинам. Нам всем пришлось мыться, используя вскипяченную на кухне воду, что только ухудшило и без того портящееся настроение на станции.

Пока Дрю тушит обогреватель, я загружаю пробы в рюкзак, натягиваю толстые перчатки и выхожу, слушая тихий звон, когда пар от дыхания замерзает и падает на землю, как измельченное стекло. Пальцы болезненно пульсируют, когда мы бредем назад к «Альфа», но это лучше, чем онемение. Беспокоиться нужно, когда вообще ничего не чувствуешь.

– Дерьмо. – Не видя отчетливо из-за кристаллов льда, склеивающих ресницы, я спотыкаюсь о снежный гребень и пошатываюсь вперед.

– Осторожно, – Дрю выбрасывает руку, хватая меня. Он помогает мне выпрямиться, его рука на мгновение задерживается на моей. Я растерянно поворачиваюсь, но он лишь кивает и отпускает меня.

Мы доходим до лестницы и взбираемся обратно в «Альфа». Я плюхаюсь на одно из сидений в прихожей и стаскиваю уличную одежду, радуясь, что мне не нужно будет делать это еще целую неделю.

– Я положу это в морозильник, – говорит Дрю, подбирая рюкзак с пробами, раздевшись до футболки и джинсов. – Увидимся на обеде. Нам нужно хорошо проводить нашу любимую звезду, так что натягивай свои праздничные лохмотья.

Кого я обманываю?

Я изучаю черное лайковое платье в маленьком зеркале внутри дверцы шкафа, но стараюсь не смотреть на свое лицо. Когда-то обтягивающее, с глубоким декольте оно теперь висит на мне как на вешалке. Я с отвращением стаскиваю наряд и надеваю пару джинсов и чистую футболку, затем достаю таблетки из шкафа. Проглатываю две, потом прибавляю третью для верности.

Серьезно, Кейт?

Слова сестры отдаются у меня в голове, и я зажмуриваю глаза, отгоняя их.

Скоро, обещаю я себе. Скоро.

Я прибываю в гостиную за час до заката. В прилегающей игровой комнате Элис и Роб поглощены матчем в настольный футбол, и, судя по ее победным возгласам, Элис лидирует.

Соня сидит в углу в наушниках и что-то вяжет, но мне не удастся опознать что – возможно, шарф? С ее округлыми формами и кудрявыми седыми волосами она похожа на мягкую южную бабулю, но это никого не обманывает даже

после короткого знакомства. Соня с большим отрывом является самым умным человеком на базе – я уже зафиксировала впечатляющий коэффициент интеллекта в ее медицинском файле – и профессором метеорологии в университете Торонто, без сомнения светилом в своей сфере.

Она также обладает стоическим терпением умной черной женщины, которая прожила жизнь, будучи постоянно недооцененной.

– Привет. – Соня встречается со мной взглядом, когда я наливаю бокал вина, затем снимает наушники и хлопает по сиденью рядом, приглашая. – Присоединяйся.

Я сажусь, благодарная за дружелюбное внимание.

– Что слушаешь?

– «Чапаев и Пустота». Виктор Пелевин.

– Не знаю такой.

– Тебе стоит почитать. Выдающаяся книга. Арк загрузил аудиоверсию – он просвещает меня в шедеврах русской литературы.

Я приподнимаю бровь, Соня улыбается в ответ.

– Не нужно его недооценивать. Он, наверное, знает столько же о русской литературе, сколько о генераторах. То есть очень много.

– Кстати, где он? – оглядываюсь я. – И остальные?

– Арк и Арне помогают Радживу на кухне. Алекс и Каро переодеваются, Сандрин все еще выпускает пар в «Бета».

Последний комментарий заставляет меня улыбнуться. На-

ша начальница станции, как оказалось, заядлая гольфистка. Летом она обустроила собственное поле на гладком участке льда, разукрасив шары красным маркером, чтобы видеть их на снегу. Но с тех пор как нависающая тьма загнала ее внутрь, Сандрин пришлось сделать имитацию поля в самом большом складе в «Бета».

– Насчет Люка и Роба... – Соня цинично вскидывает бровь. – Ну, твоя догадка будет так же хороша, как и моя.

Мне не нужно уточнять, к чему она ведет. Люк и Роб, или Бивис и Баттхед¹¹, как их называет Каро, завели привычку исчезать на длительные периоды, появляясь лишь на ужинах. Выглядят они при этом обдолбанными. И это не говоря уже о витающем в некоторых частях «Беты» запахе травки.

Я иногда задумывалась, стоит ли поднять эту тему с Сандрин, но она никак не могла не заметить – особенно после инцидента со сноубордом. Предполагаю, она пришла к выводу, что это относительно безобидное занятие. Лишь бы пережить зиму, как любит говорить Арк.

Кроме того, я не в той позиции, чтобы их критиковать.

– Ну, как дела? – Соня разматывает еще больше ниток из клубка и начинает новый ряд.

– Занята, и это хорошо. Я бы, наверное, сошла с ума, если бы не было чем заняться.

Хотя я бы с удовольствием завязала с забором проб снега, чуть не добавляю я.

¹¹ Герои американского мультсериала.

– Должно быть, это тяжелая работа – справляться со всеми нами. Жан-Люк говорил, что это нравилось ему меньше всего – необходимость постоянно доставать людей.

Я удивленно прищуриваюсь. За все недели, что я провела здесь, это первый раз, когда кто-то упомянул Жан-Люка по своей инициативе.

– Каким он был? – спрашиваю я, хватаясь за возможность. – Никто, похоже, не хочет о нем говорить.

Несколько мгновений Соня молчит, и я беспокоюсь, что снова полезла не в свое дело. Она откладывает вязание, опирается на подлокотник кресла и подпирает подбородок рукой, глядя на меня.

– Он был хорошим человеком, Кейт. Добрым, преданным людям. И очень умным. Всегда интересовался исследованиями других, вечно записывал что-то в дневник – или его приключенческий антарктический журнал, как он любил его называть. Он планировал написать книгу о своем пребывании здесь.

– Серьезно? – я представляю лицо с фотографий, и чувствую еще одну волну грусти. Я думаю, мне бы очень понравился Жан-Люк.

Какая ужасная потеря.

Соня улыбается какому-то воспоминанию.

– Я говорила ему, что если он упомянет и меня в своей книге, то просто обязан сделать меня худой и на двадцать лет моложе, иначе я подам на него в суд.

Я смеюсь.

– Ты, наверное, скучаешь по нему, – мягко говорю я.

Она пару секунд раздумывает над ответом.

– Да. Хотя он мог быть довольно... напористым, но в целом хорошо ладил с людьми, всегда знал, как разрядить ситуацию шуткой. – Ее лицо выдает волнение. – Не в обиду тебе, но это место уже не будет прежним после его смерти.

– Я не могу представить, каким сокрушительным ударом для всех стал его уход. – Я представляю экспедиционную группу, возвращающуюся без него, вынужденную сообщать остальным членам базы, что им пришлось бросить Жан-Люка во льду. В абсолютной пустоте. Ужасной изоляции. Хотя он мертв, все равно ощущается, будто мы его подвели.

– Я полагаю, многие скучают по нему. – Я наблюдаю за пальцами Сони, формирующими петли, это завораживает, своего рода визуальная медитация.

– Некоторые больше остальных, – загадочно отвечает она.

– Как так? – хмурюсь я.

Соня прерывается, раздумывая.

– Ну, давай просто скажем, что Жан-Люк не всегда со всеми ладил. Были... разногласия.

– Насчет чего?

Но наш разговор прерывает появление других. Раджив, несущий несколько бутылок вина, одет в черную рубашку и его лучший багряный тюрбан, борода и усы аккуратно подстрижены и намаслены. Дрю в нарядных бежевых слаксах и

выглаженной белой рубашке, за ним следует Сандрин, которая выглядит особенно шикарно в алом платье цельного кроя и с помадой в тон.

Я мысленно пинаю себя, чувствуя себя безвкусной в своих джинсах и простой футболке. Я собираюсь вернуться в спальню и переодеться, когда появляется Каро, щеголяя в привычном комбинезоне. Люк, Роб и Алекс входят за ней – Алекс выглядит растрепанным, с тусклым от усталости лицом, Люк одет в шорты карго, на лице его обычное сардоническое, слегка отстраненное выражение.

– Где Арне? – спрашивает Сандрин.

– Ушел освежиться, – говорит Раджив. – Он вернется через минуту.

Как по сигналу, появляется Арне. Несмотря на сломанный душ, он умудрился помыть голову, замечаю я, – его волосы все еще блестят от влаги. Он выглядит очень нарядно в серых штанах и тонком вязаном джемпере, демонстрирующем подтянутые мышцы, которые он поддерживает в тренажерном зале. Немногим из нас хватает дисциплины, чтобы заниматься каждый день, и на Арне действительно видны результаты. На Дрю, впрочем, тоже.

– Почти пора, – объявляет Сандрин, проверяя часы. Едва ли два часа дня, а мы уже прощаемся с солнцем.

Появляется Арне, а Роб и Элис забрасывают свою игру в футбол, когда мы выключаем свет и собираемся возле широких окон гостиной, выходящих на лед. Нам повезло: на небе

нет облаков, и отчетливая полоса розового окружает серебристое солнце, которое едва показалось над горизонтом.

Я смотрю на пейзаж, чувствуя себя обеспокоенной. За последние несколько недель я завела привычку наблюдать за каждым закатом, восхищаясь видом нашей дающей жизнь звезды, проигрывающей битву с северным горизонтом. Каждый день она с трудом поднимается надо льдом, сдаваясь все быстрее, окрашивая облака в оранжевый, а снег в пунцовый, пронизывая небо цветами крови и синяков.

Минуты проходят, пока мы молча стоим, глядя на медленно угасающий золотой свет, уменьшающийся до точки, прежде чем угаснуть совсем.

– Ну вот и все, ребята, – объявляет Дрю, включая свет. – Добро пожаловать в зиму.

Его слова звучат весело, но атмосфера в комнате угнетающая. Хотя дни были короткими и тусклыми, тот факт, что солнце вообще появлялось, странно успокаивал.

Нас словно покинули.

Раджив исчезает, а затем снова появляется с подносом, полным закусок – маслин и оливок, фаршированных засахаренным лимоном и жареным халлуми¹², вместе с разнообразием орехов и сухарей.

– Ужин сегодня будет подан рано, – объявляет он, – но на кухне есть добавка, если вы не дотерпите до него.

Мы принимаемся за напитки и закуски, а затем рассаживаемся.

¹² Левантийский сыр, изготавливающийся из смеси козьего и овечьего молока.

ваемся по креслам и диванам. Хотя большинство дней мы работаем и занимаемся своими делами, Сандрин решила, что нам стоит проводить остаток дня вместе. «Сближение», как она это назвала, делая все это похожим на какое-то до боли неловкое групповое упражнение, а не на что-то, что может нам понравиться.

Я поворачиваюсь к Дрю, но он наблюдает за Алексом, стоящим у окна, уставившись во тьму так, будто ищет что-то в непроглядном мраке.

– Эй, дружище, как дела? – спрашивает Дрю. – Проблемы на ранчо?

Алекс вздыхает, проводит рукой по волосам и оборачивается к нам. Его лицо напряжено, он выглядит несчастным.

– Только что узнал, что моя сестра выходит замуж, – бормочет он. – Через несколько месяцев.

– Дерьмово, – голос Арне полон сочувствия. – Как я понимаю, это случилось неожиданно?

– Можно и так сказать, – вздыхает Алекс. – Она недавно узнала, что беременна – если будет ждать, пока я вернусь домой, то уже успеет родить.

– Свадьба по залету? – шутит Роб, и я вижу, как Соня пинает его.

– Они были обручены уже пару лет, между прочим, так что это просто ускорило события, – Алекс поджимает губы, словно делая величайшее усилие, чтобы не сорваться. – Это будет большая свадьба. Родственники прилетят из Америки,

коллеги.

Я чувствую прилив сочувствия. Он выглядит словно выпотрошенным. Несмотря на все его приключения – Алекс выучился на инструктора уличных видов спорта и провел несколько лет, работая в Новой Зеландии, – он очевидно семейный парень.

– Это тяжело. – Арк подходит и по-медвежьи его обнимает. На несколько неловких мгновений Алекс, похоже, готов заплакать.

– Могло быть хуже, – говорит он уныло. – По крайней мере, никто не умер.

Повисает напряженная тишина, прежде чем Элис заговаривает нарочито радостным тоном:

– И подумай, по возвращении домой тебя встретит новый племянник или племянница.

Это, наконец-то, вызывает у Алекса улыбку.

– Да, первый внук. Родители в восторге. Мама уже покупает детскую одежду.

– Детская одежда! – довольно сияет Соня. – Именно этот повод мне и нужен был. Хорошо, что я привезла достаточно пряжи.

– Хлеб! – пищит Каро, хватая кусок и намазывая его маслом.

Раджив снял все ограничения в честь нашего первого зимнего ужина. Вместе с теплой буханкой орехового хлеба он

подает равиоли с лобстером, ризотто с сушеными белыми грибами и крепы¹³. Есть даже крохотная порция салата, любезность от Дрю и его гидропоники. Я испускаю довольный стон, почувствовав вкус маленьких листьев во рту – наш запас свежих овощей уменьшился до нескольких картофелин и рыхлых яблок, сморщенных и мягких.

– Выпьем? – Дрю передает несколько бутылок шампанского, и все наливают себе по бокалу. Точнее, все, кроме Арка – наперекор своим русским корням, он не пьет. Его отец был жестоким алкоголиком, и в первую мою неделю здесь Арк рассказал мне: «Упился вусмерть, что означает, нам больше не нужно его терпеть».

– Я хотела бы предложить тост за нашего чудесного шеф-повара, – провозглашает Сандрин с уже немного покрасневшимся лицом. Я улыбаюсь ей, чувствуя укол злости, когда она делает вид, что не заметила. – За Раджива.

Мы поднимаем бокалы, пока он встает и слегка кланяется.

– Не забудь Дрю. – Я поднимаю бокал, смотря на моего друга. – За вкусный салат.

Мы еще раз выпиваем, Дрю подмигивает мне в знак солидарности. Боковым зрением я вижу, что Арне задумчиво меня разглядывает, и по какой-то непонятной причине я внезапно чувствую себя очень неловко.

Атмосфера начинает разряжаться, когда алкоголь прони-

¹³ Тонкие французские блинчики, подающиеся с разнообразными начинками и добавками.

кает в нашу кровь. Алекс и Люк выглядят заметно поддатыми, Роб и Дрю болтают и весело смеются. Даже Том, который всегда остается в стороне, поглощен спором о «Звездных войнах» с Арком; Элис и Каро слушают их с изумленными улыбками.

Я разглядываю лицо Элис. У нее такие черты, от которых едва можно оторвать глаза. Постоянный источник пыток для нескольких мужчин здесь, особенно потому, что она недоступна – Элис живет в Брайтоне со своей девушкой-итальянкой, и их пятилетней дочерью Лидией.

Не в первый раз я гадаю, как она может провести двенадцать месяцев вдали от такого маленького ребенка. Но я уже знаю ответ. Элис изучает изменение климата, и Антарктика является неоценимым источником информации о влиянии человеческой деятельности на планету.

Она здесь и ради своей дочери.

– Еще шампанского? – Дрю выжидающе держит бутылку над моим бокалом.

– Мне пока хватит. – Я прикрываю бокал ладонью. – Все-таки я единственный доктор на базе. – Что, если что-нибудь случится, а я не в состоянии буду с этим справиться?

– Расслабься, – убеждает он меня. – У нас все будет в порядке. Поживи немного для себя, Кейт – у нас долгая зима впереди.

Я сдаюсь и позволяю ему наполнить бокал, решая пить его медленно.

Когда Роб и Раджив раскладывают десерт – шоколадный мусс, дополненный маленькими полосками засахаренных фруктов, – Сандрин стучит ложкой по столу и ждет, пока все замолкнут.

– За отсутствующих родных и друзей, – предлагает она, оглядывая всех со странно болезненным выражением лица, улыбаясь искусственно и напряженно.

Раздается одобрителный гул голосов, и мы поднимаем бокалы, отвечая на тост, затем следует тишина, длящаяся на несколько секунд дольше, чем нужно. Многие ли из них вспоминают Жан-Люка, думаю я?

«На случай моей смерти».

Я снова думаю о письме, которое нашла в клинике, том самом, которое крутилось у меня на уме. О его странности. Конечно, Антарктика может быть опасной, но редко смертельной. Что сподвигло его написать письмо? И зачем так его прятать?

Мой взгляд падает на Сандрин, которая разговаривает с Соней, и я спрашиваю себя в тысячный раз, почему она не отправила его в АСН. Какая возможная причина может быть, чтобы хранить это письмо здесь? За те два месяца с отлета самолета я не придумала никакого объяснения.

Это не помогло мне проникнуться теплыми чувствами к нашей начальнице станции. К тому же есть что-то отстраненное в ее манере, что-то жесткое и неподатливое. Она из тех

женщин, которые никогда не выходят из своей роли властной директрисы, относящейся к окружающим ее взрослым, как к непослушным детям.

Но нельзя придраться к ее опыту: докторат в науке об окружающей среде из Сорбонны плюс два года на франко-итальянской базе Конкордия. Семьи нет, если верить Каро, кроме двух племянниц.

Я делаю глоток вина и встречаюсь взглядом с Арне. Щеки заливаются краской. Угадал ли он по выражению моего лица, что я думаю о Сандрин? Мне стоит прилагать больше усилий, решаю я. Попытаться узнать ее. Не делать поспешных выводов.

– Как семья? – спрашивает Арне, поворачиваясь к Арку.

– Хорошо, – добродушно отвечает тот. – Ты знаешь, ждущая шанса свергнуть эту *суку*.

– *Суку*? – хмурюсь я.

– Это ругательство. Он имеет в виду Путина.

– Да. Мошенник.

– Я не знала, что ты говоришь на русском. – Я удивленно вскидываю бровь, глядя на Каро.

– Арк меня учит, – ухмыляется она. – Начиная со всех грязных словечек.

Арк смеется, но его лицо остается задумчивым. Он явно думает о доме.

– Ты, наверное, скучаешь по ним, – говорю я ему.

– Конечно. И по своей стране тоже, – он сопровождает это

глубоким вздохом. – Проклятие всех россиян – даже если ненавидишь это место, систему, оно в крови, вот тут. – Он стучит по груди одним из своих огромных кулаков. – Я ску-чаю по ней все время. *Наша родина.*

Он шмыгает носом, а затем громко гогочет:

– Но потом ты вспоминаешь про деньги!

Все смеются, и Сандрин недовольно поджимает губы.

Я наклоняюсь к ней, намереваясь начать разговор, но мои слова обрывает громкий удар кулаком по столу, о которого со звоном подсакивают тарелки и приборы.

– Какого хрена? – кричит Алекс, злобно глядя на Дрю – Ты серьезно?

– Успокойся, мужик, – Дрю поднимает руки в воздух. – Я не хотел сказать ничего такого.

Алекс с секунду изучает его, затем встает так резко, что чуть не опрокидывает свой стул. Его взгляд пробегает по нам от одного к другому, выражение лица обвиняющее. Мы мол-ча смотрим на него, потрясенные происходящим.

– Вы все думаете, что это моя вина, – бормочет он, слегка пошатываясь. – Не так ли?

Арк встает, предостерегающе кладя руку Алексу на плечо, но он стряхивает ее.

– Это правда! – кричит он. – Вы все, мать вашу, так ду-маете. Вы считаете, что это я виноват. Вы не говорите этого, но все в это верите.

Он разворачивается и уходит, сжимая кулаки. Внезапно

он резко поднимает руку и ударяет по стене с такой силой, что раздается отчетливый хруст. Когда Алекс покидает комнату, кусок штукатурки отпадает на пол, обнажая прилично-го размера выбоину.

Это, должно быть, больно.

Очень.

Каро поворачивается к Дрю, растерянно глядя на него.

– Что ты ему сказал?

– Ничего, – отвечает он, округлив глаза. – Парень просто пьян, вот и все, и расстроен свадьбой сестры.

– Я пойду проверю, в порядке ли он, – встаю я.

– Нет, – вмешивается Каро. – Позволь мне. Я тебя позову, если нужно будет осмотреть его руку.

– Я пойду с тобой. – Сандрин складывает свою салфетку и следует за Каро.

С минуту все молчат. Неожиданно Элис заливается слезами. Длинными захлебывающимися всхлипываниями. Соня обнимает ее одной рукой, прижимая к себе, пока эмоции не утихнут.

– Извините, – говорит она, протирая лицо салфеткой. – Меня просто пробрало, и все.

Дрю выглядит смущенно, но я замечаю, как он делает большой глоток пива.

Что, черт возьми, он сказал Алексу?

Я хочу знать, но у меня хватает здравого смысла не спрашивать. Нам уже достаточно драмы на один вечер.

Глава 8. 29 апреля, 2021 года

– Алкоголь. Скандал. Как будто я дома.

Арк получает в ответ несколько слабых улыбок. Мы сидим, чувствуя себя неловко в гостинной, и слушаем песню «Абба», играющую на фоне.

Спустя несколько минут Том качает головой и встает, его тело сковано от напряжения, лицо отражает смесь непонимания и тревоги.

– С меня хватит, – говорит он с легким немецким акцентом. – Я пойду займусь работой.

Я попиваю остатки своего шампанского, раздумывая, что делать. Стоит ли мне пойти осмотреть Алекса? Или подождать, пока Каро придет за мной?

Вы все думаете, что это моя вина, не так ли?

Что он имел в виду? Я вспоминаю насмешку Люка, брошенную после инцидента со сноубордом на снегу: *Как интересно слышать это от тебя!*

Я пытаюсь подавить растущее чувство волнения. Что-то не так. Что именно, я не могу точно определить.

Что здесь происходит?

Я подумываю спросить Элис, но опасаясь, что она снова расплачется. Неясно, это от скорби по погибшему коллеге или от расстройства из-за всплеска гнева Алекса, но последнее, чего я хочу, так это беспокоить ее еще больше.

Взгляд Сони задерживается на двери, ее лицо омрачено тревогой – это ее явно так же нервирует, как и меня. Я смотрю на Арне, но он сидит в кресле, пялясь в потолок.

Я пользуюсь возможностью рассмотреть его повнимательнее. У него такая внешность, что со временем привлекает все больше и больше, заметила я. Черты, которые становятся симпатичнее при более близком знакомстве. Я начала восхищаться его самообладанием, излучаемым им ощущением самодостаточности, и тем, что он держится слегка на расстоянии от остальной группы.

Бен тоже был таким. Из тех парней, которых легко проглядеть, пока не узнаешь получше.

Но ты его и не знала по-настоящему, напоминаю я себе, ощущая тревожность, предшествующую желанию выпить очередную дозу таблеток. Я с тоской думаю о моем тайнике, жалея, что не взяла препараты с собой – но, уронив их в тот раз в прихожей, я не хотела больше рисковать.

– Мне правда стоит проверить, как там Алекс, – говорю я, хватаясь за это, как за оправдание, но Дрю протягивает руку, останавливая меня.

– Пусть отоспится. – Он встает и приносит бутылку вина. – Вот. Лучше выпей.

Лучше? На мгновение я задумываюсь, подозревает ли он меня в чем-то. Сложил ли он два и два тогда, в прихожей. Но он прав, решаю я, пока он наливает мне бокал красного вина. Лучше проведать Алекса утром, когда он успокоится.

И протрезвеет.

К сожалению, его выходка стерла весь блеск с этого вечера. Один за другим остальные исчезают, пока не остаются только Дрю, Элис, Люк и Роб.

– Ну, это было мрачно, – произносит Дрю после того, как Арне желает нам спокойной ночи. – Не совсем тот вечер, которого я ожидал.

– Это все алкоголь, – вздыхает Роб. Высота делает только хуже – в один момент ты слегка навеселе, в другой уже едва можешь стоять.

– И остальное, – фыркает Люк. – Это не только выпивка делает его параноиком.

Я хмурюсь. Алекс тоже курил траву? Но он не выглядел накуренным, больше расстроенным. Я мысленно делаю заметку поговорить завтра с Каро – из всех обитателей станции, она, похоже, наиболее близка с ним.

Я пытаюсь завязать разговор с Робом; он был достаточно дружелюбен с момента моего прибытия на лед, но в ровной отстраненной манере, из-за чего я очень мало о нем знаю. Он напоминает хамелеона, явно довольного своей ролью в качестве компаньона Люка.

Бивис и Баттхед. Банда из двух.

Но прежде чем я осуществлю свое намерение, Элис предлагает устроить бильярдный турнир, и Роб с Люком принимают вызов, оставляя нас с Дрю одних.

– О чем думаешь? – Дрю прерывает мои размышления,

пока я слушаю, как остальные подшучивают друг над другом в игровой комнате.

– Ничего особенного, – вздыхаю я. – Обдумываю, что нужно сделать завтра.

– Забей. Воскресенье, а значит, тебе ничего вообще не нужно делать.

Он прав, хотя я практически не обращаю внимания на выходные, учитывая, что большая часть моей работы не привязана к стандартным рабочим часам. Но мы стремимся иметь один день в неделю – чаще всего воскресенье – когда пытаемся отвлечься. В моем случае вариантов немного. Видеочат с мамой или сестрой. Возможно, я даже смогу почитать, если хорошенько сконцентрируюсь.

– Ты уверена, что все в норме?

Дрю внимательно разглядывает мое лицо – хотя не так, как это обычно делают остальные, неизменно останавливаясь на шраме. Его взгляд более пронизывающий, как будто он пытается что-то обо мне выяснить.

– Я в порядке. Просто устала. – Я смотрю на часы, но еще совсем не время идти спать.

– Ты слишком много работаешь.

Мне нечего ему ответить. Это правда, я действительно работаю очень много. Это стало моим спасением после аварии, и я вернулась в больницу как можно скорее – когда фокусируешься на плохих вещах, случающихся с другими, остается меньше времени, чтобы заикливаться на произошедшем с

тобой.

– Вот опять, – смеется Дрю. – Провалилась в страну фей.

– Прости. – Я делаю глоток вина. Это неплохое итальянское красное – Раджив явно разбирается в выдержанных винах, а у АСН хватило здравомыслия не всучивать нам всякий мусор.

– Да уж, поиграли в бильярд, – говорит Элис, появляясь с остальными из игровой комнаты. – Мне надрали задницу, так что я закончу вечер раньше. – Она обнимает и целует в щеку всех по очереди. – Спасибо за приятный вечер.

Мы желаем друг другу спокойной ночи, и Элис уходит, Роб и Люк провожают ее взглядом.

– Забудь об этом, – саркастично произносит Дрю с нью-йоркским акцентом, насмешившим остальных.

Мы вчетвером пускаемся в длинный и путаный разговор. Люк, узнаю я с удивлением, изучал искусство в Утрехте, прежде чем решил переучиться на электрика. Я обдумываю это, пока остальные переговариваются. Вот почему он такой... враждебный? Какой-то побочный эффект его нереализованных творческих амбиций?

Я не собираюсь спрашивать, но узнаю больше о Робе, который описывает детство в Австралии в семье иммигрантов из Азии – имитация гибридного австралийско-тайваньского акцента его матери смешит Люка и Дрю так сильно, что у них на глаза наворачиваются слезы.

Я постепенно расслабляюсь, хотя часть меня все еще за-

цикливается на том, что случилось с Алексом раньше. Что он имел в виду? Что именно остальные считают его виной?

Стоит ли мне спросить у Дрю?

Нет, решаю я. Если кого и спрашивать, то самого Алекса. Я разберусь с этим завтра. И проверю Тома тоже, раз на то пошло.

– Ладно, я пойду в кровать, – говорит Роб в итоге. Люк осушает бокал пива и присоединяется к нему. – Не сидите допоздна, – обращается он к нам с легкой ухмылкой.

Я наблюдаю, как они уходят, гадая, идут ли они еще раз накуриться. Вполне возможно.

– Мне тоже нужно ложиться, – вздыхаю я. – У меня действительно много работы завтра. Воскресенье или нет.

– Эй, еще рано, – замечает Дрю. – У нас еще три месяца ночи впереди. Ты не можешь провести все это время, прячась в клинике.

Я колеблюсь.

– Останься, составь мне компанию, – настаивает он. – Мои биологические часы нарушены, и я не смогу заснуть в любом случае, так зачем пытаться?

Он прав. Я сомневаюсь, что мне тоже удастся хорошо поспать, особенно с учетом того, что произошло сегодня. Так что я позволяю ему снова наполнить мой бокал, отлично зная, что пожалею об этом завтра. Но мне уже все равно. События вечера потрясли меня, и я благодарна за возможность вычеркнуть их из мыслей.

– Ты мало рассказала о себе, – начинает Дрю. – Фактически ты никогда этого не делаешь. Я едва ли что-то знаю о тебе.

Я киваю, удивляясь тому, что он обратил внимание на мою скрытность. Хотя раньше я была бы рада открыто рассказать о моей жизни, сейчас же избегаю этого насколько возможно. Все дороги, кажется, всегда ведут к Бену, к той ночи.

– Я полагаю, что не считаю себя интересной темой для разговора, – увиливаю я.

– Предпочитаешь самоцензуру, а? – Дрю берет горсть арахиса и медленно жует орешки, разглядывая меня. Он и правда безумно красив, думаю я, чувствуя себя слегка пьяной. Ясные голубые глаза и легкий загар. Идеальная щетина.

Совсем не моего поля ягодка. Эта мысль слегка успокаивает, как будто теперь мне не нужно даже пытаться.

– Давай ты выберешь одну вещь, – настаивает он. – Расскажи о последнем разе, когда ты была счастлива.

Последний раз, когда я была счастлива? К моему ужасу, я понимаю, что не могу вспомнить. Счастье теперь кажется невероятным, примерно таким же доступным, как возможность стать пианисткой или полет на Луну. Счастье для других людей. Все, к чему стремлюсь я, это онемение, отсутствие боли.

Потом меня осеняет ответ, но это не то, что я могу рассказать Дрю. Я вспоминаю первые дни после аварии, когда

я перешла с морфина на обезболивающие – на хорошие, не те блеклые имитации, которые можно купить в «Бутс»¹⁴ без рецепта. Я отчетливо помню то чувство эйфории, которое они давали мне – не просто уменьшение физической боли в моем раздробленном колене и порезах, но смягчение и всей скорби, вины и травмы.

Конечно же, эта блаженная отрешенность ненастоящая – просто химический эффект опиоидов, прикрепляющихся к рецепторам в теле и мозгу. Но это не умаляло моего желания принимать их в погоне за кайфом успокаивающей пустоты.

Хотя сейчас он по большей части ускользает от меня.

Я поднимаю взгляд и вижу, что Дрю хмурится.

– Ладно, как насчет последнего раза, когда ты напивалась? Я имею в виду, по-настоящему напивалась, а не просто немного выпила. – Он говорит последнее слово, забавно передразнивая британский акцент.

Я вздыхаю, пытаюсь вспомнить. Это, должно быть, та ночь, шесть лет назад, когда я и Бен поехали на летнее барбекю в Клифтоне с компанией наших друзей-медиков. Я вылакала почти целую бутылку элитного джина, а затем потащила всех в клуб в городе, чтобы танцевать до упаду.

Я рассказываю об этом Дрю, все это время поражаясь той беззаботной версии себя. Я действительно делала такие вещи? Теперь невозможно представить, что я когда-то была таким человеком, была расслабленной и беспечной.

¹⁴ Сеть магазинов розничной торговли и аптек в Великобритании.

И ни одного обезболивающего в поле зрения.

Каким-то образом Дрю умудряется выпытать больше, и я рассказываю ему о своей семье. Мои родители были докторами, но старшая сестра, Клэр, прервала традицию, решив изучать право в Кембридже. Мой брат, Ричард, однако, прилежно следовал за семейным правилом, и в конце концов стал заведующим хирургией в ведущем госпитале Австралии.

– Похоже, у вас мозговитая семейка, – комментирует Дрю. Я корчусь в гримасе.

– Мы из тех, кто стремится добиваться большего. Из тех, что отлично выглядят на словах, но кажутся пустыми изнутри. Ничего не бывает удовлетворительным, если минимальным стандартом считается идеал.

– Значит, ты с ними не близка?

– Отец умер пять лет назад, а мама сейчас живет в Индии – она нашла работу в Дели в качестве консультирующего психиатра. Мой брат работает в Мельбурне, и мы, по сути, не общаемся, – качаю головой я.

– Ты по ней не скучаешь? По маме.

– Иногда, – говорю я уклончиво. – Они никогда не была из тех, кто сидит дома и взращивает чадо. Я ближе с моей сестрой, Клэр.

Дрю выглядит задумчивым. Его лицо выражает сочувствие, которое мне неприятно.

– Наверное, в детстве тебе было одиноко.

Я прищуриваюсь от удивления. Это так очевидно? Или,

может, я недооценила его. Просто потому что он спортивный и накачанный, не значит, что Дрю какой-то пещерный человек в плане эмоций.

– Да уж, полагаю, это так. Но все же теперь это моя жизнь.

– И у тебя есть кто-то конкретный, с кем ты ее разделяешь? – спрашивает он обыденно, как будто это не тяжелый вопрос, которого я избегала множество раз с тех пор, как приехала сюда. В этот раз, подозреваю, мне не удастся уклониться от него так легко.

– Уже нет.

Дрю разглядывает меня с непроницаемым выражением лица.

– То есть ты не в отношениях?

– Я слишком много говорю, – быстро перебиваю его я, желая поскорее сменить тему. – Как насчет тебя? Расскажи о своей жизни – ты тоже нечасто упоминаешь о прошлом.

– Нечего особо рассказывать, – отнекивается Дрю. – Родился и вырос на Среднем Западе. У родителей была земледельческая ферма. Брат поступил в колледж, свалил к чертям из Доджа.

– Свалил к чертям из Доджа? Ты имеешь в виду свой дом? Там было плохо?

Он вздыхает. На мгновение я беспокоюсь, что задела болезненное место.

– Он уехал из Небраски. У меня это заняло на несколько лет больше. Когда родители продали ферму и переехали во

Флориду, я снял жилье в городе и работал в местном «Таргет»¹⁵ какое-то время, прежде чем понял, что если я не возьму себя в руки, так пройдет вся моя жизнь. Поэтому пошел в армию и выучился на инженера.

– Как долго ты этим занимался? – Мне стыдно, что я до сих пор этого не знаю, но на базе есть неписаное правило, что никто не сует нос не в свое дело и не задает слишком много вопросов. Здесь, кажется, мы можем быть, кем захотим, новыми версиями себя – по крайней мере, на время нашего пребывания.

– Я служил в армии четыре года, может, пять, – отвечает Дрю. – Мне было достаточно нескольких поездок в Афганистан.

Он закусывает губу, и я чувствую, что мы забрели на территорию воспоминаний, которые бы он предпочел стереть, так что я пытаюсь сменить тему.

– Значит, никто особенный тебя тоже не ждет?

Ради всего святого, Кейт. Я мысленно пинаю себя в ту же секунду, как слова слетают с губ. Зачем ты его об этом спросила?

Потому что пьяна, смутно понимаю я.

Дрю поворачивается ко мне – к моему облегчению, он улыбается.

– А почему ты спрашиваешь, Кейт? Ты заинтересована?

– Конечно, нет, – быстро говорю я, тепло разливается по

¹⁵ Американская сеть магазинов розничной торговли.

щекам. – Извини... я имела в виду, ты симпатичный парень, и я просто думала, почему ты одинок.

Господи, Кейт, ты делаешь только хуже.

Дрю игриво улыбается.

– К твоему сведению, доктор Норт – не то чтобы ты была заинтересована – я пять лет встречался с девушкой в Штатах. Мы расстались в прошлом году.

– А-а, – я не могу придумать ничего, что на это ответить.

– Ей не нравилось, что я подолгу уезжаю на лед. К тому же она хотела детей, а я нет. – Он допивает остатки пива. – А ты?

– Что я?

– Хочешь детей?

– Нет... не особо, – пожимаю плечами я.

Если честно, я об этом давно уже не думаю. Мы с Беном строили планы, что, может быть, когда-нибудь, когда мы удовлетворим наши карьерные устремления, но его больше нет, и это кажется несущественным.

Кроме того, кто теперь меня захочет? Я делаю из себя дуру, просто участвуя в этом разговоре, понимаю я, вспоминая мой шрам. Я встаю, комната кружится.

– Я иду спать, – говорю я, пытаясь не думать об ожидающем меня завтра похмелье.

– Погоди. – Дрю допивает пиво и выключает все лампы в гостиной. Мы тихо идем по коридорам, боясь побеспокоить остальных.

– Эй, тебе нравится виски? – спрашивает Дрю, когда мы приближаемся к его двери. – У меня есть бутылка, спрятанная под кроватью.

– Под кроватью?

– Нельзя быть слишком осторожным. – Он смотрит на меня. – Так что? Хочешь стаканчик на ночь?

Несмотря на все, соблазн есть. Алкоголь растворил мои обычные запреты, все те защитные слои, которые я тщательно расставила вокруг себя. И есть еще что-то, ощущение, такое же чуждое теперь, как и счастье: скрытое желание.

Не глупи, яростно говорю я себе. Нет шансов, что кто-то вроде Дрю заинтересуется тобой. Даже здесь, где нет большого выбора.

– Он односолодовый, – наклоняется он, шепча. – Если это тебя не соблазняет, то я не знаю, что тогда может сработать.

Он поднимает руку и убирает волосы с моего лица. Указательным пальцем проводит по линии моего шрама от верха щеки почти до челюсти. Вопреки всему, кожу покалывает от его прикосновения.

Я ожидаю, что он спросит, как я заполучила его. Неизбежный вопрос. Я поражена, что он умудрился сдерживать его так долго.

– Кейт, – приглушенно говорит Дрю, поднимая мой подбородок так, что я вынуждена смотреть на него. – Это не имеет никакого значения, знаешь. Все не так плохо, как ты думаешь.

Я молча смотрю на него. Потом позволяю ему втянуть меня в спальню и закрыть дверь. Как только мы оказываемся внутри, он притягивает меня к себе, чтобы поцеловать. Поцелуй поначалу мягкий, осторожный, но он быстро превращается в настойчивый, голодный и страстный. Так много времени прошло с тех пор, как я с кем-либо целовалась, и желание захлестывает меня с оглушительной силой.

Я думала, все это осталось в прошлом.

– Ты этого хочешь? – Дрю отстраняется, глядя мне в глаза. – Просто хочу убедиться, что не пользуюсь леди, пока она пьяна.

– Заткнись, – говорю я, снова целуя его. Секунды спустя мы снимаем друг с друга одежду. Я пытаюсь не пялиться на Дрю, когда он стягивает свою футболку, – у него сильное и подтянутое тело, внизу живота все еще виднеется бледная линия загара. Думаю, он проводит довольно много времени дома без футболки.

– Иди ко мне, – говорит он, притягивая меня на нижнюю койку.

Эти кровати точно не предусмотрены для секса, обнаруживаем мы. Тут недостаточно места для какой-либо позы, кроме миссионерской – не то чтобы я против, прошло так много времени, что даже ванильный секс кажется экзотическим.

Я забыла, осознаю я, когда Дрю входит в меня. Забыла, как это приятно, ощущать, что к тебе прикасаются, кожа к

коже, чувствовать приливы и волны удовольствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.